

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи

В. В. РЕШЕТОВ

КУРАМИНСКИЕ ГОВОРЫ
ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ
ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации, представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР

Ташкент—1952

На правах рукописи

В. В. РЕШЕТОВ

**КУРАМИНСКИЕ ГОВОРЫ
ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ
ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации, представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

Ташкент—1952

ДИССЕРТАЦИЯ ПОСТРОЕНА ПО СХЕМЕ:

Предисловие (стр. 2—6).

Транскрипция и условные обозначения (стр. 7—26).

Глава 1. Введение (стр. 27—72).

Раздел I. Население ангренской долины и типы кураминских говоров.

Глава 2. Краткие сведения о населении Ангренской долины (стр. 74—104)

Глава 3. Типы кураминских говоров (стр. 105—145).

Раздел II. Фонетическая система говоров.

Глава 4. О вокализме узбекского литературного языка и некоторых особенностях вокализма узбекских народных говоров (стр. 146—177).

Глава 5. Характеристика отдельных кураминских гласных фонем и комбинаторно-позиционных вариантов (стр. 176—265).

Глава 6. Характеристика отдельных кураминских согласных фонем и комбинаторно-позиционных вариантов (стр. 266—362).

Глава 7. Фонетическая структура слова (стр. 363—401).

Раздел III. Морфологическая система говоров.

Глава 8. Аффиксы и частицы, общие глаголам и именам (стр. 403—435).

Глава 9. Типы склонений и некоторые функции падежей (стр. 436—524).

Глава 10. Материалы по глаголу (стр. 525—623).

Приложение: Список литературы (стр. 625—652).

Научное советское языкознание вступило теперь в новую стадию своего существования. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания обогатили науку новыми положениями, совершили глубокий переворот в советской науке о языке. Постановка вопросов И. В. Сталиным настолько широка и принципиальна, что учёный любой отрасли знания извлекает из этих трудов выводы первостепенной важности. И. В. Сталин дал нам блестящий образец того, как нужно проникать в живое существо непрерывных общественных преобразований, как анализировать их. Это — боевая сталинская программа построения марксистской науки о языке.

Советская наука о языке, поднятая товарищем И. В. Сталиным на высшую ступень, движется уверенным шагом вперёд, внедряя в свой исследовательский труд марксистско-ленинскую теорию языка, с гениальной мудростью и простотой изложенную в трудах И. В. Сталина. И в этом обнаруживается самая искренняя забота лично товарища Сталина о развитии социалистической науки, основная задача которой состоит в том, чтобы „не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны“ (И. В. Сталин).

Советский народ, воплощая в жизнь учение Ленина-Сталина, в очень короткие сроки осуществил в стране культурную революцию, величайшим достижением которой является создание многомиллионной армии национальных кадров, развитие национальных по форме и социалистических по содержанию культур. Ленинско-сталинские положения о роли языка в развитии национальной культуры позволили развернуть громадную работу по изучению национальных языков народов СССР, в том числе и языка узбекского народа. При этом исключительно велико значение изучения местных диалектов.

Роль и значение диалектологических изысканий особенно возрасли в связи с выходом в свет гениальных трудов И. В. Сталина. Труды И. В. Сталина восстановили значе-

ние диалектологии как научной дисциплины, объектом изучения которой являются диалекты местные или территориальные, обслуживающие народные массы и имеющие свой грамматический строй и основной словарный фонд.

Однако узбекская диалектология не поднята ещё на должную высоту, особенно в части исторического изучения процессов становления и развития отдельных говоров и диалектов.

В реферируемой работе на первый план выдвинуто описание фонетической и морфологической систем изученных нами говоров. Фонетика и морфология любого национального языка, в том числе и узбекского, за последние два десятилетия менее всего разрабатывались в силу господствовавшей антинаучной формулы о приоритете синтаксиса.

Записи текстов, положенных в основу исследования, производились в разное время от лиц, проживающих в долине Ангрена. Ими прежде всего охвачены традиционные слои, поскольку именно они проливают достаточно яркий свет на условия возникновения данных говоров. Тем не менее это обстоятельство не исключало систематической регистрации наносного элемента, который оседал и обычно растворялся в основном кураминском массиве. Значительное место уделено речи представителей колхозного актива и интеллигенции из местных жителей. Такой подход к изучению особенностей живой народной речи позволил установить объективную картину современных нам кураминских говоров и вскрыть изменения, которые происходили и происходят в них с течением времени. Изучение же лингвистического и исторического материала дало нам основание пересмотреть вопросы этногенеза курамы и классификации их говоров¹.

Применяемая нами транскрипция² строится на основе русского алфавита, но с рядом уточнений, позволяющих фиксировать существенные фонетические особенности говоров и диалектов.

При оформлении диссертации мы старались полнее охватить литературу вопроса: основополагающие труды классиков марксизма-ленинизма—Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, исследования проф. Н. А. Баскакова, проф. И. А. Батманова, чл.-корр. АН УзССР А. К. Боровкова, акад. В. В. Виноградова, акад. В. А. Гордлевского, чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, проф. Н. Ф. Катанова, проф.

¹ Бюллетень АН УзССР, Таш., 1945, № 5; 1946, № 7.

² Ученые записки ТашГПИ, Таш., 1947.

А. Н. Кононова, чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова, проф. П. М. Мелиоранского, проф. В. М. Насилова, акад. В. В. Радлова, проф. Г. Д. Санжеева, проф. К. К. Юдахина и др. — широко использованы нами.

I

Узбекская диалектология находится ещё в стадии диалектографии. Объём предстоящих исследовательских работ исключительно велик, и серьёзные результаты изучения говоров немыслимы без коренной перестройки всей исследовательской работы в свете учения И. В. Сталина о языке. Чёткое сталинское определение этапов развития языков — „...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...“¹, роли территориальных диалектов в формировании национальных языков вооружает нас правильным марксистским пониманием этих явлений и выдвигает на очередь дня детальное и углублённое изучение отдельных языков и языковых групп. Чрезвычайный интерес в этом отношении представляет изучение узбекского языка, становление и развитие которого теснейшим образом увязывается с концентрацией „диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией“².

В этом сложном процессе и должен разобратся диалектолог, изучая диалекты узбекского языка в сравнительно-историческом плане.

Сравнительно-исторический метод имеет серьёзные недостатки, — указывает И. В. Сталин, — но он всё же толкает к работе, к изучению языков...³. Рассматривая историю становления и развития языка в его динамике, он позволит, если поставить технику применения его, на твёрдую историко-материалистическую основу⁴, в широких планах изучать родственные тюркские языки. Этот метод даёт возможность вскрыть и всё диалектное разнообразие узбекского языка, определить особенности каждого диалекта и говора в отдельности. На основании же имеющихся данных уже можно сказать, что ни один из среднеазиатско-тюркских язы-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, М., 1934, стр. 414

³ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

⁴ Акад. В. В. Виноградов. О лингвистической дискуссии и работах И. В. Сталина по вопросам языкознания, „Большевик“, № 15, 1950, стр. 21.

ков не имеет такого количества, часто резко отличающихся друг от друга, диалектов, как узбекский язык. Не случайно узбекские говоры и диалекты в классификационных системах тюркских языков оказались в различных группах.

Картина значительно усложняется узбекско-таджикскими взаимоотношениями, культурно-экономические и политические связи которых прослеживаются на протяжении веков. Это—одна из важнейших проблем не только диалектологии и истории языка, но и истории народов Узбекистана, решение которой упирается в вопросы этногенеза древнейших племён, вошедших существенными слагаемыми в историческую основу современных нам узбеков и таджиков. Длительный культурно-экономический симбиоз приводил, естественно, и к взаимовлиянию языков. Однако так наз. теория „иранизации“, возведённая отдельными исследователями в фетиш при диалектологических изысканиях, исключала возможность внутриязыковых сдвигов в историко-фонетической и историко-морфологической эволюции узбекского языка, а причины всех изменений, происходящих в процессе становления национального языка, усматривала лишь в наличии привходящих факторов. От неверного марровского понимания скрещивания предостерегает нас И. В. Сталин¹.

2

Ташкентский культурный район широко раскинулся по правым притокам Сыр-Дарьи—Ангрену, Чирчику и Келесу. Преобладающая часть населения его сложилась из элементов нескольких антропологических типов. О сложности этногенетического процесса на данной территории достаточно убедительно свидетельствует реальная история формирования крупнейшего массива Ангренской долины, известного под именем *курама*.

В языке кураминцев преобладают кыпчакские признаки, консервации которых содействовал непрекращавшийся приток пополнений с нижней Сыр-Дарьи. Этот процесс, в силу ряда историко-экономических причин, не везде шёл равномерно: роды и их подразделения оседали как в родственной, так и в инородной языковой среде не сплошной массой, а разрозненными группами. Такое расселение способствовало образованию диалектных групп со смешанными лингвистическими показателями. Однако кыпчакский языковый элемент в основном выходил победителем, обогащал свой

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

словарный состав „за счёт словарного состава других языков, но это не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило...“¹ его.

В отношении этимологии термина *курама* и генезиса носителей его в литературе имеются различные мнения.

Большинство исследователей (акад. В. В. Радлов, Н. А. Аристов, проф. К. К. Юдахин и др.) термин *курама* возводят к глаголу *курамақ—курама* в применении к этнографической группе означает „смесь, смешанную народность“.

К наиболее ранним сведениям о *кураме* относятся сообщения капитана Андреева (1785). Он подчёркивал, что „общество-ж оных составилось, как утверждают, из рода перешедших каракалпаков и хивинцев...“ (цитирую по Н. А. Аристову). По другим данным *курама*—это часть киргизов, осевшая на землю и мало чем отличающаяся по своему быту от оседлых поселений „сартов“ и таджиков, или: „они (т. е. кураминцы. В. Р.) представляют тюрко-монгольский народ, который лишь по прошествии более продолжительного времени совершенно сольётся с таджикским типом, с коим ныне он смешан“.

Смешанный характер *курама*, отмечаемый в историко-этнографической литературе, подтверждается и показаниями самих носителей этого имени.

Бу жэргә хәр тараптын урувудан кәп, қуралыш қаған дэғән гәп бар. Өзвәк минән қурама иэкәви бир қалқ. ата-бавамыздан қаған гәп шу (Маша). Известно, что *курама* составила́сь из представителей различных родов, осевших здесь. Узбеки и *курама* один народ. Это известно от наших предков (записано в селении Маша).

Қурама хәржэр—хәр жэрдән кәп, қуралып қаған, бир урув эмәс. Хәр қайсынын бир аты бар, хәр қайсынын бир намы бар. Қуралып кәткәннән қурама атанып кәткән (Орта-аул). *Қурама* не один род, это смесь (родов), пришедших отовсюду. Каждый имеет своё имя, каждый имеет своё название. Стали называться *курамой* потому, что перемешались (записано в селении Урта-аул).

Бу қышлаққа турли урувудан кәгән. Шуннан қурама аталған. Қуралып уотуруп қаған. В это селение пришли (осколки) различных родов, отсюда и называется *курамой*. Перемешались и осели (записано в селении Сары-джайлак).

В основной своей массе кураминцы плохо помнят свои родовые отношения, тем не менее среди них удалось установить значительно большее количество родовых наи-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

менований, чем это отмечено у В. В. Радлова. Разнородность *курамы* объясняется историческими причинами и имеет связь с известными 92 отделениями узбеков, носящими родовые названия различного происхождения.

Формирование *курамы* Н. А. Аристов относит к первой четверти XVIII в., т. е. к эпохе нашествия калмыков, что, однако, нельзя признать правильным. Упоминание Шахрухии у Андреева в числе пунктов, заселенных курамой, и наличие среди кураминских родов рода Шаркиялик, позволяют взять под сомнение точку зрения Аристова.

Род Шаркиялик имеет связь с городом Шаркия <Шаракия <Шахрухия, который был расположен в устье р. Геджиген на правом берегу Сыр-Дарьи. О времени исчезновения г. Шахрухии нет точных сведений, но высказано предположение, что он исчез вследствие междоусобицы между предками нынешних узбеков, которые там живут. Во всяком случае в XVIII в. были лишь развалины, а сохранение его имени в качестве родового названия среди курамы свидетельствует о том, что Шахрухия была заселена кураминцами, если не сплошь, то в основной своей части. В связи с этим и начало курамы следует отнести к более раннему периоду. О правильности такого предположения убедительно говорят и исторические факты, хронологически относящиеся к половине XV в.

Вакуфные документы Ходжа Убайдулы Ходжа Махмудова—Ходжа Ахрара на земли в Ташкентской и Шахрухийской волостях, завещанные им в 860 г. хиджри, содержат данные, подтверждающие наше предположение. Большой интерес представляют два земельных участка, расположенных в устье Чирчика, с левой стороны. В описании их достаточно определенно очерчены границы участков и указаны селения, которые находились там в XV в.

Один из участков находился в местности „Железные ворота“ (درب آهنین) и граничил на юге с местностью Курук Каракамыш, на востоке с местностью Кулаклык-тепа, на севере—с арыком Заг (زاغ) и на западе—с местностью Курама.

Второй участок был в местности Курама, к северу от арыка Заг, и к западу от местности Хотын Купрук, а с востока он подходил к „Железным воротам“ (دربند آهنین).

Совокупность этих данных позволяет утверждать, что термин „курама“, упоминаемый в Ходжа-ахраровских вакф-наме, существовал в XV веке. В связи с этим нет сомнений в том, что сложение основного кураминского массива следует отнести к более раннему времени. Весьма вероятно,

его можно приурочить к моменту появления джалаилов в долине Ангрена. Наличие же в данной местности преобладающего тюркского (в языковом отношении) населения с кыпчакскими признаками послужило основной причиной окончательной тюркизации джалаилов, осевших в Ташкентском оазисе во второй половине XIII в.

3

При распределении кураминских говоров по определенным рубрикам классификационной системы учтены следующие лингвистические признаки:

I. Фонетические: 1. Джеканье, жеканье и йеканье, т. е. наличие чередования *жс/жс/й* в начале слова: *жсқ//жсқ//йсқ* — нет.

Генезис и границы распространения джеканья на территории Средней Азии привлекали и привлекают внимание диалектологов и историков языка. Указание об употреблении *джс—жс* вместо *й* у кыпчаков мы находим у Махмуда Кашгарского, арабских и армянских писателей VIII в.

Изогlossа *жсқ* охватывает кураминский массив, залегающий на всей территории Ангренской долины, начиная от Аблыка вплоть до правобережья Сыр-Дарьи. В некоторых населённых пунктах признак *жсқ* сосуществует с признаками *йсқ* и *жсқ*, но преобладает над последними.

Массовое появление жеканья в долине Ангрена следует отнести к более позднему времени. Весьма вероятно, что оно может быть приурочено к первой четверти XVIII в., известного в истории под именем „*актабан шубрынды...*“. Жеканье спорадически встречается по всей территории, занимаемой кураминскими говорами.

Йеканье среди кураминцев—результат вторичного распространения *й* вместо *жс* в начале слова. Случаи параллельного употребления начального *жс* и *й*, зарегистрированные в джекающей кураминской части, отмечались также и другими исследователями кыпчакской группы тюркских языков (профессорами Н. К. Дмитриевым, Н. А. Баскаковым, И. А. Батмановым и др.). Проф. С. Е. Малов наличие чередования *й/жс* в начальной позиции в каракалпакском языке относит не за счёт влияния другого какого-нибудь среднеазиатского тюркского языка, например, узбекского, а усматривает причины, кроющиеся в самой истории образования каракалпакского языка.

Изоглосса *йок* преобладает в Пискенте, Буке, Кара-хтае и др. населённых пунктах.

2. Оканье и аканье. Оканье—появление *а̇* или *э̇* вместо типично-тюркского *а* в различных словарных позициях.

Качество оканья в кураминских говорах различно: оно в значительной степени колеблется между типами *а* и *э̇*. Основной массе свойственно индифферентное *а̇* (промежуточное между *а* и *э̇*), а следовательно—существование трёх фонем нижнего подъёма: *ä*, *а̇*, *ӓ*.

В генетическом отношении фонема *а̇* (resp. аканье) является наследием тюркской фонетической системы, тогда как *ӓ*, наоборот, результат позднейшей эволюции языка. Ограниченное употребление *а̇* в некоторых кураминских говорах даёт повод рассматривать его как звук зависимый и малосамостоятельный: в них *а̇* встречается в начале слова и в соседстве с глубокозаднеязычными согласными, что приводит к появлению факультативного чередования и фонетических дублетов вроде *ат* и *а̇т*—лошадь, *бар* и *ба̇р* — есть, имеется, *қара* и *қа̇ра*—черный, *қылған* и *қылға̇н*—сделавший; он сделал. В другой части говоров в аналогичных условиях оказывается уже *ӓ*, поскольку здесь статистически преобладающей является фонема *ӓ*; употребление *а̇* ограничено позицией смежности с глубокозаднеязычными согласными, а частично и в словах с задним вокализмом вообще. Следовательно, типично тюркская единица вокализма удерживается в типично тюркских словарных позициях.

Оканье — изоглосса *ба̇р* прослеживается в различных участках Ангренской долины; аканье—изоглоса *бар* прослеживается по всей территории, но наиболее сосредоточенные участки расположены южнее Ангрена.

3. Наличие или отсутствие контрастирующих пар в ряду гласных верхнего и верхне-среднего подъёма: *от̈*—жёлчь; пройди и *от̈*—травя; огонь, *ӱч*—три и *уӵ*—конец; лети.

4. Губно-сингармонистические чередования в аффиксах.

5. Дифтонгизация и дифтонгоидность начальных гласных верхне-среднего подъёма: *||й̈эшки||* *иӟчки||* *ечк̈ъ*—коза.

6. Произношение слова *уй̈* *ой̈*—дом.

7. Чередование *а||э̇*, *а||ä||э̇||ӭ* в аффиксах: *атлар||* *ийт-ләр||* *ийтләр*, *атлар||* *итләр*, *атләр||* *этләр*—лошади||собаки; *кэләд̈е̇* *кэләд̈ъ*—он придёт.

8. Чередование $q/\ x$: $хатън$ // $қатын$ // $қатын$ — женщина.

9. Появление $х$: $айван$ // $хайван$ — терраса.

10. Наличие или отсутствие $к$ и $қ$ в исходе слова после гласных верхнего подъёма: $сары$ // $сарық$ — жёлтый.

11. Чередование $ч$ // $ш$: $чай$ // $чай$ // $шай$ // $шай$ — чай; $ач$ // $аш$ — открой.

12. Наличие или отсутствие чередований: а) $қ/г, к$ // $г$ — озвончение $к$ и $қ$ в интервокальной позиции, ср. $эк$ // $экип$ — сей// посеяв; б) $п$ // $б$: $қап$ / $кабы, қап$ // $қабы, қап$ // $қап$ — мешок // его мешок; в) $п$ // $в$ (где $в$ результат $б > в$ не только в интервокальном положении, но и в начале слова): $тап$ // $таваман$ < $табаман$ — найди // я найду.

13. Изменения по линии: а) $г > в$ (в конце и середине слова): $тағ$ // $тав$ — гора, $бұғдай$ // $бовдай$ — пшеница; б) $ғ > й, г > й$: $теғди$ // $тийди$ — он тронул.

14. Произношение слова $дәрийә$ // $дәйрә$ — река.

15. Произношение слова $ләйләк$ // $ләгәләк$ — аист.

II. Морфологические:

1. Вопросительные частицы — $мы$ // — $ми$ // — $ма$ // — $мә$: $барма?$ — есть ли? $жоқмы?$ — нет ли? $кәләмә?$ — придёт ли он?

2. Наличие или отсутствие аффикса родительного падежа — $нын$ // — $ниң$.

4. Личные и указательные местоимения в дательном падеже: $маған$ // $мәңгә$ // $мәнгә$ — мне.

4. Варианты послелога орудийно-совместного падежа: $минән$ // $мнән$ // $мнәм$ // — $мән$.

6. Формы настоящего-будущего времени: $келәмиз$ // $келәвүз$ > $келәүзә$ — мы придём.

6. Формы настоящего времени данного момента: $келәжатыр$ > $келәватыр$ > $келәатыр$; $кәлибжатыр$, $келйәптә$ // $келәттә$ — он сейчас (в данный момент) идёт.

7. Форма условного наклонения настоящего-будущего времени: $барсақ$ // $барсәк$ // $барсәмтә$ > $барсәвтә$ > $барсәүзә$ — если мы пойдём.

8. Форма прошедшего определённого: $бардық$ // $бардәк$ / $бардәмтә$ // $барду$: // $бардузә$ — мы ходили.

9. Причастие настоящего-будущего времени: *бара тур-ган* // *баратаған* // *баратыған* // *барадъған* // в казахск. *баратын* — идущий.

10. Причастие будущего времени: *кэләр* // *келәсь* // *келгусь* — тот, который придет.

III. **Лексические:** наличие или отсутствие слова *майяк* — яйцо, *табар* — топор, *доғаба* // *дуғава* — чашка.

На основании схождения фонетических, морфологических и лексических признаков ярче вырисовываются территории говоров, размещающиеся на площади наибольшего количества совпадений общих языковых фактов. Но границы говоров оказываются весьма относительно в смысле распространения отдельных изоглосс: одни распространяются на всей глубине языкового участка, другие обнимают известную полосу, а третьи консервируются в отдельных точках в зависимости от конкретных исторических условий формирования говоров. Схождение признаков вскрывает ряд „переходных“ или „смешанных“ говоров. По ряду признаков установлена „жекающая“ группа, генетически сходящая к казахскому языку. В Ташкентском же оазисе были вскрыты элементы каракалпакского этнического пласта с показателями, объединяющими их с населением собственно Кара-калпакии¹.

Итак, группировка кураминских говоров (с учётом перечисленных признаков) представляется нами в виде следующей схемы:

I. **Джекающие говоры.** К ним принадлежит основная масса кураминцев долины Ангрена. Джекающие говоры разделяются на две подгруппы по признаку оканья и аканья. Значительную часть составляют говоры, сочетающие в себе оба признака

Окающая группа джекающих говоров, характеризующихся следующими признаками:

жоқ, *бар*, *уч* // *уч*, *от* // *от*, *изьки* // и *изьки*, *кэләдә* // *кэләдә*, *қатын*, *хайван* (терраса), *сары*, *чай*, *эгип*, *қабы* // *қапы*, *тав*, *тийди*, *дәйрә*, *ләгәләк*, *қәләмә?* *маған*, *кәләжатыр* // *кәләжатыр*, // *келибжатыр*, *баратаған*, *майяк*, *дуғава*.

В этих говорах находим десять количественно недифференцируемых гласных фонем:

¹ Бюллетень АН УзССР, Ташк., 1949, № 3.

	Передние	Задние
Верхнего подъёма	и [̈] у	ы у
Верхне-среднего подъёма	э [̈] о	о [̈] о
Нижнего подъёма	ä	а [̈] а

В акающей группе вскрывается: 1) явное аканье — *бар*, 2) максимальная степень дифтонгизации начальных гласных верхне-среднего подъёма — *йэшки* // *йэчки*, 3) наличие дифтонгического сочетания в словах *ийт*, *бийт*, 4) спорадическое чередование *ч* // *ш* — *чай* // *шай*, 5) меньшая степень оглушения согласного *б* в чередовании *қап* // *қабы*, 6) девятифонемный состав вокализма. В этих говорах непредставленным оказывается заднерядный звук *ä*, являющийся основной фонемой окающей группы.

К признакам, характеризующим переходную подгруппу, необходимо отнести: 1) более чёткую дифференциацию фонем *х* и *қ*, 2) сокращение дифтонгизации в ряду гласных верхне-среднего подъёма, 3) явное преобладание *й* в чередовании *жс* // *йс* в начале слова, 4) факультативно-спорадическое чередование *а* // *э* в аффиксах, 5) закрепление конструкции родительно-винительного падежа: *сә: ырды кордым* — видел корову, *сә: ырды эмчәгә* — вымя коровы, 6) употребление *мәнгә*, *бунгә* наряду с *маған*, *буған*, 7) употребление *тухум* наряду с *мәйәк*, 8) появление фонемы *х'* ташкентского типа, 9) сокращение сингармонизма в связи с процессом конвергенции в ряду контрастирующих гласных верхнего подъёма.

II. Йекающие говоры. Они охватывают преимущественно говоры крупных населённых пунктов Ангренской долины.

В йекающих говорах доминируют признаки: *йоқ*, *бар*, *уч*, *от*, *ечкә*, *келәдә*, *хатән*, *айван*, *сарық*, *чай*, *егән*, *қанә*, *тағ*, *тегдә*, *дәрийа*, *ләйләк*, *келәдәм*, *мәнгә* (*менгә*), *келәйт* < *келән йәтәйт* // *келәйттә* < *келән йәтәйт*, *келәдәгән*, *тухум*.

Дополнительные признаки: 1) чёткая дифференциация звуков *х* и *қ*, 2) отсутствие дифтонгизации в ряду гласных верхне-среднего подъёма, 3) отсутствие лингвально-сингармонистических чередований в аффиксах. Большинство аффиксов, обладающих в джекающих говорах чередованием гласных нижнего подъёма [*а* // *ä*], в данном типе сохраняет свой передний дублет с гласным *ä*, 4) семь качественно различных и количественно недифференцируемых гласных фонем:

	Передние	Задние
Верхнего подъёма	ь	у
Верхне-среднего подъёма	е	о
Нижнего подъёма	ä	а, ä

III. Жекающие говоры. Они встречаются на всей территории Ангренской долины. В жекающих говорах отмечается: 1) явное жеканье — *жоқ*, 2) явное аканье, 3) максимальная степень дифтонгизации начальных гласных верхне-среднего подъёма, 4) преобладающее употребление аффиксального э в чередовании *а // э*, 5) наличие *жумуртқа* наряду с *маййак*, 6) наличие дифтонгических сочетаний в словах *ийт*, *бийт*, 7) замена *х* через *қ*, 8) случаи перехода — *чай > шай > шайй*, 9) девятифонемная система вокализма, как и в акающей подгруппе джекающих говоров, а именно:

	Передние	Задние
Верхнего подъёма	и ӱ	ы у
Верхне-среднего подъёма	э ö	о
Нижнего подъёма	ä	а

4

Современный литературный узбекский язык имеет всего лишь шесть качественно отличных гласных фонем (*и, э, а, о, у, ү*). Он не проводит парных различий по особенностям горизонтально-язычного уклада, что свойственно некоторым йекающим говорам, джекающим кураминским и территориально смежным тюркским языкам.

Конвергенция, именно качественное совпадение парных гласных, основанное на приспособлении к одинаковым задачам, с историко-фонологической точки зрения заслуживает особого внимания. Однако причины конвергенции контрастирующих пар гласных в одной фонеме нельзя, по-видимому, объяснять всецело привходящими факторами, исключая внутриязыковые процессы, происходящие в историко-фонетической эволюции языка. Материалы ряда языков показывают, что процесс этот мог происходить в истории развития языка в связи со степенью утраты сингармонизма, деградация которого и вызывала изменения качественной

характеристики звуков. С другой стороны, предполагалась дивергенция заднерядного узбекского *a* на две принципиально отличных фонемы — переднее *ä* и заднее *ā* (resp. *ɔ*), что и породило будто бы собою оканье.

Позиционная обусловленность оканья вскрывается на материале ташкентского говора и подтверждается данными говоров Ангренской и Ферганской долин. Процесс артикуляционного усвоения данного звукового оттенка проходил медленно. Закреплению его содействовали и узбекско-таджикские связи.

Литературный узбекский язык не использует ни одной из разновидностей сингармонизма — ни лабиально, ни лингвально-сингармонистические чередования, относящиеся к явлениям прогрессивной ассимиляции. Он по составу вокализма бесспорно является несингармонистическим и по совокупности фонетических, морфологических и лексических особенностей, следуя принятой системе классификации (проф. А. К. Боровкова), принадлежит к йекающе-окающей группе городских говоров.

Он не проводит никаких различий между особыми долгими и краткими гласными фонемами, сохранившимися в некоторых говорах. Наоборот, типовой состав вокализма литературного языка в количественном отношении может быть квалифицирован с диаметрально противоположной стороны: в нём наблюдаются изменения по количеству, но в обратную сторону, т. е. в сторону сокращения данного признака в характеристике гласных фонем.

5

Гласные фонемы джекающих кураминских говоров несколько продвинуты вперёд в сравнении с соответствующими фонемами жекающих говоров. Из территориально смежных тюркских языков жекающие говоры дублируют систему казакского вокализма, тогда как гласные джекающих говоров приближаются к гласным каракалпакского языка.

В кураминских говорах нет долгих звуков как принципиально отличных от соответствующих кратких. Возникновение вторичных (заместительных) долгот происходит при определённых фонетических условиях.

Гласные фонемы верхнего подъема: *и, ъ, ы, у, ү*. Фонема *и* — обычное тюркское *и* кыпчакского типа — передний нелабиализованный звук. В некоторых кураминских говорах звук *и* получил заметное развитие в сторону негубного гласного верхне-среднего подъёма. Он чередуется с *э*

и *е*, спорадически возмещаая последний в начале, середине и конце слова: джек. *ничă* // *нэчă* — сколько, *инă* // *энă* — мать. Ср. чередование *э* // *е* в основе глагола *йе* в ташкентском говоре: *бьзă йейлук* — съедимте-ка мы, но *сьлă йьйлă* — вы еште. В спорадических междудialectных соответствиях *э* // *е* йек. кураминские говоры оказываются на стороне ташкентского и маргеланского типов: *экэ* < *эккэ* // джек. *эки* > *эк*, *экитă* — два.

В конечных открытых слогах гласные *и*, *э*, *ы* звучат весьма открыто, приближаясь к символу *ё* в МФА: джек. *кэлдё* — он пришёл, *энăсё* — его мать, *қызё* — его дочь, *қыргё* — ястреб. Открытый вариант факультативно встречается и в не-конечных слогах: джек. *ўчкёнă* — только три, *чăчкёнăм* — мои волосики, *кичкёнă* — маленький. В некоторых говорах наряду с *кичкёнă* находим и дублет с гласным *ă* — *кичкăнă*. Таким образом: *кичкинă* // *кичкёнă* // *кичкăнă*.

Ср. наличие звука *э* в *жэлаған* < *жылаған* — он плакал, или тяготение *ы* к глухому *а*: джек. *ызғар* < *ызғыр* — пронизывающий холод, *дастархан* < *дастырхан* — скатерть.

В ряде словарных позиций находим закрытый вариант фонемы *и*, акустически близкий к типовому характеру *и*, а не *е*: а) в личных окончаниях — *кэлăмиз* — мы придём, *кэлăсиз* — вы придёте, б) в соседстве с *й*, *ж* — *кийгăн* — он надел, *жигăр* — печёнка. Такой же оттенок обнаруживается в произношении фонемы *э* в карахтайских формах: *кет* — *мэймăн* — я не уйду, *бермэймăн* — я не дам.

В генетическом отношении фонема *э* йек. говоров восходит к переднерядному *и* и заднерядному *ы*; возникла в результате конвергенции *ы* × *и* — в фонеме *э*.

Являясь звуком индифферентным, данная фонема распределяет между своими наиболее зависимыми вариантами качественные черты обоих своих исторических источников. Наиболее передний оттенок она приобретает: а) между переднеязычными: *зъч* — плотно, *шъш* — опухоль; б) между переднеязычными и *й*, *к*, *г*: *съэр* < *сыйэр* < *сэгэр* — корова, *тэк* — шей; в) после *к* и *г*: *къэз* < *кыйэз* < *кэгэз* — кошма; г) в начале слова перед переднеязычными: *ъч* — пей, *ъс* — запах. Наиболее же задний оттенок (= *ь*) находим в непосредственном соседстве с глубокозаднеязычными *к*, *г*, *х*: *къш* — зима, *къл* — делай. Утрата губно-сингармонистических чередований и заметное развитие индифферентного *э*, заместительного в чередованиях *ы* / *и*, имеет место в переходной подгруппе, намечается оно и в джек. говорах.

Переднерядное *и* джек. говоров в соседстве с *м*, *н*,

н, б, к, г артикулируется с оттянутым назад языком, приобрета-
я задний оттенок: *мънъп* — сев верхом, *мън* — тысяча, *бъ-
лъп* — узнав, *към* — кто. Смещение артикуляции *и* в сторо-
ну заднего уклада наблюдается и в других тюркских языках
(см. труды профессоров Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова,
И. А. Батманова).

Не всегда сохраняет свой задний характер и типично
тюркское заднерядное *ы*: в определённом звуковом окру-
жении оно склонно продвигаться вперёд, приближаясь к от-
тенку фонемы *ы* (= *ь*) йек. говоров. Это явление наблюдает-
ся в позиционной смежности с *й*, *ш*, *ч*, *ж*: *сыймайды* — не
уместится, *жыйын* — сбор, *чърағым* — светик мой, *шьпылдадѐ*
— он шлепнулся.

Переднерядное *и* джек. говоров в различных словарных
позициях может переходить не только по линии *и* — *ы*, где
между крайними их пределами отмечено несколько пере-
ходных звуков, но и изменяется по линии *и* > *ү* (resp. *ы* >
у). Процесс лабиализации *и* и *ы* (в йек. говорах *ѐ* > *у*) фо-
нетически объясняется соседством с губными согласными
в, *м*, *п* и может иметь место в любом слоге слова: *и* > *ү* —
джек. *күмлян* — с кем, *кәмпүр* — старуха; *ы* > *у* — *авур* —
тяжёлый, *авуз* — рот. Однако не во всех случаях наблюдается
лабиализация *ы* в соседстве с *в* — колебание *ы* ~ *у* просле-
живается даже в пределах одного населённого пункта. Ср.
в йек. говорах карахтайского типа: *баравъз* — мы пойдём,
но *келәвуз* — мы придём.

В связи с общей краткостью данных звуков они оглу-
шаются и редуцируются: 1) в начале односложного и мно-
госложного слова перед глухим согласным звуком: джек.
ыштѐ — он выпил; 2) между глухими согласными (в слогѐ
без ударения), если первый слог открытый, а второй начи-
нается с глухого согласного: джек. *пишир* — вари. Значи-
тельно менее оглушается между глухими согласными в за-
крытом слогѐ, за которым следует слог с начальным со-
гласным: *пиштѐ* — сварился; 3) в исходе слова после глу-
хого: джек. *кәлипти* — он пришѐл; 4) сильно редуцирует-
ся: а) перед и после *р*: джек. *бирәв* — кто-то, *сирә* — совер-
шенно. Ср. полную редукцию во втором слогѐ двусложных
слов при осложнении их местоимѐнно-притяжательными
аффиксами: *орын* — место, *орны* — его место < *орыны*; б) пе-
ред *з*: джек. *бизәр* > *бизә* < *бизләр* — мы, *сизләр* > *силә*

> *слä* — вы; в) перед л: джек. *силäп* — погладив, *қылық* — поступок, *äсил* — настоящий.

Редукция наблюдается во всех кураминских говорах. При этом один и тот же звук может расцениваться различно.

В джек. говорах прослеживается дифтонгоидность и: *пийт* — вошь, *ийт* — собака; в маша-уйшунском же типе регистрируется несколько долгий гласный звук: *пи:т*, *и:т*. В акающей подгруппе и в жек. говорах обнаруживаем: *пийт*, *ийт*. В фонологическом отношении здесь имеем дело не с отдельной фонемой, качественно отличной от соответствующей краткой, а с фонемосочетанием, состоящим из гласной и согласной фонем.

Губные гласные фонемы у, ү. Качественная характеристика фонемы у не одинакова в различных кураминских говорах. С субъективно акустической точки зрения этот звук аналогичен каракалпакскому у. Не представляет собою ничего специфически характерного для данной диалектной группы и соответствующий переднерядный ү.

В определённых позиционных условиях фонемы у и ү способны оглушаться и редуцироваться.

Модификация у и ү в сторону гласных верхне-среднего подъёма в отдельных говорах достигает значительной силы и наиболее ярко реализуется в местоимениях: джек. *шо*, *бо* — этот, *ол* — он. Однако в большей части говоров у тяготеет к гласным верхнего, а не верхне-среднего подъёма.

Заместительная долгота появляется в результате выпадения согласных звуков. Есть случаи, когда гласный звук приобретает своеобразную окраску, относящуюся к мелодии голосового тона: йек. *келдүйу*: *турмәдә* — он пришёл, но не ждал. Особое эмфатическое удлинение обнаруживаем при окликах на далекое расстояние: *турсун у::*

Делабиализация лит.-орф. у осуществляется по говорам в самых разнообразных условиях: у > ы: джек. *тыпрақ* — земля, *маймыл* — обезьяна; ср. *мында* — здесь, *мындай* — таковой // лит.-орф. *бунда*, *бундай*. ү > и: джек. *мәлим* — известный, *жидә* — очень // лит.-орф. *ма'лум*, *жуда*; лит.-орф. *учун* — для, ради — по говорам *ичин*: *мәнийчин* // *мәнийчин* — для меня; ср. ещё *бийдай* — пшеница, *пирсәт* — время, момент, *мидир* — заведующий.

Делабиализацию звука у трудно отнести к какому-нибудь определённому говору в качестве его характерной черты. Нередко в одном и том же говоре (у одного и того же

объекта) мы обнаруживаем различное произношение одного и того же слова: *тишимбаг̃ан ухук̃қа тўшўниб̃ алдым* — я понял права, которых (раньше) не понимал (ср. *тишимб-аг̃ан* и *тўшўниб̃*).

В йек. говорах (Пискент, Карахтай) гласный у (с исторической точки зрения у и ў — оба старых губных гласных верхнего подъёма), в не-первых слогах утрачивают лабиализацию в тех условиях, что и в ташкентском, ферганском говорах, в отличие от самаркандско-бухарского типа, где губной гласный у сохраняется: ташк. *темър* — железо, *хатън* — женщина // самар. *темур*, *хтун*. В йек. говорах факультативно сосуществуют формы пережиточного характера, в которых усматривается ещё губно-сингармонистическое чередование у // ʏ в положении после слова, содержащего у или о: *устуд̃а* // *устьд̃а*, *отург̃ан* // *отърг̃ан*. В действительности здесь наблюдается произношение и того и другого звука или произношение звука у с ослабленной губной работой. При фактическом факультативном чередовании у // ʏ отсутствует возможность словоразличения, основанного на дифференциации данных звуков.

Итак, в джек. и жек. говорах имеется две качественно отличных гласных фонемы у и ў, участвующие в словоразличении, основанном на положении языка в горизонтальном плане. Совпадение их обнаруживаем в йек. говорах, происходящее, как известно, в результате сокращения сингармонизма. В силу этого фонема у, подобно фонеме ʏ, варьирует между задним и передним укладами языка, совмещая в себе функции обоих своих исторических источников.

Гласные фонемы верхне-среднего подъёма. К данной категории гласных звуков принадлежат нелабиализованные е и э, губные о и ö.

Характерная черта гласных фонем верхне-среднего подъёма состоит в наличии различных степеней дифтонгизации, что сближает джек. и жек. кураминские говоры с прочими тюркскими языками, генетически восходящими к кыпчакской языковой группе.

Фонема е свойственна йек. говорам и реализуется как весьма закрытый звук типа э (—она столь же закрыта, как, например, ташкентское и маргеланское е), в силу чего часто воспринимается как ʏ, напр.: *ечкь̃* ~ *ьчкь̃* — коза, *енд̃ь* ~ *ьнд̃ь* — теперь, *бед̃а* ~ *ьд̃а* — клевер, *еш̃ьк* ~ *ьш̃ьк* — дверь.

Фонема э регистрируется в джек., жек. говорах, а частично и в переходной подгруппе. Это — нормальный звук

верхне-среднего подъёма, звук типа э (но не открытый вариант), приблизительно тех же степеней затвора, что и казахское, каракалпакское — типично кыпчакское э.

Дифтонгизация начального кураминского э различна по говорам. В зависимости от силы начального элемента (—форшлага) различается максимальная степень дифтонгизации, реализующаяся в виде ^йэ — ^иэ и прослеживаемая в жек. говорах, убывающая степень ^иэ характерная для джек. говоров: ^иэкав — вдвоём, ^иэлак — сито.

Прочие фонетические явления: 1) лит.-орф. эгдим — я согнул > джек., жек. ийдим; лит.-орф. эгни — его плечо > джек., жек. ийни; или лит.-орф. эга — хозяин > джек., жек. ийгә. 2) Чередование э // и в глаголах под действием аффиксального й: лит.-орф. дейди > дийди — он говорит, но дэмә — не говори. На переход э > и иногда оказывает действие и вторичное й, возникающее на месте согласных г, х; лит.-орф. тегмайди — он не тронет > тиймайди, лит.-орф. меҳнат — труд > мийнәт. Ср. ещё кейин > кийин — потом, спорадически — кәйин, чаще в усечённой форме — кәй: джек. бәргәннән кәй — после того как дал.

Таким образом, крайними пределами развития э в вертикальном плане является либо и, либо ә. Последнее во всех кураминских говорах весьма часто возникает в служебных словах экән, әмәс: жоғ-әкән — оказывается нет, жаман-әмәс — не плохой. Ср. в йек. говорах: кәм-әмәс — не мало, тоғ-әкән — оказывается сыт.

Факультативно-спорадически отмечена и лабиализация э; лит.-орф. бедана // джек. бөдәнә — перепёлка, туруб-өддө < туруб эди — он стоял; ср. в ташк. ботта < бетта — здесь.

Долгое э: (— вторичная долгота) возникает в результате утраты смежных согласных звуков: лит.-орф. меҳмон > джек. мә:ман — гость.

Губные гласные фонемы о и ö в джек., жек. говорах сохранились в своём прежнем интактном виде. В начале слова данные фонемы обладают теми же особенностями, которые свойственны аналогичным фонемам казахского и каракалпакского языков. Они представляют „собою нечто вроде восходящего дифтонга уо, т. е. комбинации у (у неслогового) с собственно гласным о. Звуковая ощутимость этого добавочного элемента (т. е. у) различна, в зависимости от ударения и положения в слоге...“ (проф. Н. К. Дмитриев).

Представителями с максимально дифтонгизированными *о* и *ö* являются джек. и жек. говоры: джек. *уорта* — середина, *уотур* — садись, *уойун* — игра, *уөрдәк* — утка, *уөзү* — он сам. В йек. говорах отсутствует этот кыпчакский признак. В ряде словарных позиций фонема *о* йек. говоров варьирует между задним и относительно передним укладами (ср. произношение слов *йол* — дорога, *кол* — озеро, *отън* — дрова, *сора* — спроси) и реализуется как максимально узкий гласный, акустически средний между русскими *о* и *у*.

Долгие *о* и *ö* появляются в результате исчезновения смежных с ними согласных звуков.

Гласные фонемы нижнего подъёма. К этой категории в кураминских говорах относятся переднерядный *ä* и заднерядные *а* и *а*.

Гласный *ä* — открытый, нелабиализованный звук, комбинаторно возникающий из *а* при известных фонетических условиях; подобен *ä* прочих йек. и джек. говоров: джек. *äkä* — старший брат, *үкә* — младший брат, *мәйяк* — яйцо, *бәри* — все.

Кураминское *ä* выступает не только вместо лит.-орф. *а*, но и вместо *о* — как в первых, так и в последующих слогах: лит.-орф. *нозик* // джек. *нәзик* — тонкий, нежный, лит.-орф. *бечора* // джек. *бәчәрә* — бедняк, лит.-орф. *каттакон* // жек. *кәтәкән* — большущий, лит.-орф. *Тошкент* // джек. *тәшкән*. Ср. в аффиксе числительных собирательных: лит.-орф. *икков* // джек. *икäv* — вдвоём, лит.-орф. *бешов* / джек. *бәшäv* — впятером.

Смягчающее действие на *а* (в смысле *а* > *ä*) оказывают *ч*, *ж*, *й*, *х*: джек. *чәч* — волосы, *жәй* — место, *бәхә* — цена, *әйәл* — женщина.

К случаям *а* > *ä* под влиянием *й* относится и основа *айт* — скажи, которая в части джек. говоров имеет форму *әйт* (ср. в татарском языке, где эта основа уже перешла в категорию передних). В таш. говоре в основе *айт* произошло уже дальнейшее стяжение *айт* > *ет* через ступень *әйт* — *айт* > *әйт* > *ет*.

В основе *багла* (лит.-орф. *богла*) — завяжи, — находим *Ғ* > *й*, а затем *а* > *ä* в обоих слогах — *бәйлә*, т. е. *багла* > *байла* > *бәйлә* — в кураминских говорах отмечается все три варианта. Влияние *л* на *а* > *ä* sporadически прослеживается по говорам.

Есть и не фонетические причины, вызывающие замещение *а* — *ä*: йек. *сан* — число, *сәнә* — считай; *таш* — камень, *тәшлә* — бросай. К исключениям, которым затруднительно

дать в пределах определённой группы говоров удовлетворительную мотивировку, относятся случаи, где вместо ожидаемого *a* первого слога находим *ä* при наличии глубоко-заднеязычных *q*, *ɣ*, *x*: джек. *xäbär* // *qäbär* — весть, *mäx-sät* // *mäqsät* — цель; ср. джек. *qäйда* — где, *qäйт* — вернись, где *a* > *ä* объяснимо наличием *й*.

Чередование *э* // *ä* наблюдается во всех говорах: *нэрсä* // *нäрсä* — вещь, *кäйин* // *кэйин* — потом.

Редуцируясь, *ä* может переходить в негубной верхнего подъёма: джек. *äни* < *änä* — вот, *ма:ниси* < *mä:näси* — смысл; ср. *ä* < *и*: *нäsäxät* < *näсиxät* — наставление.

В соседстве с *в* отмечено значительно лабиализованное *ä*: джек. *экöвунү* < *экävунү* — их двоих, *дöвлät* < *дäv-lät* — государство.

Долгое *a*=*ä*: возникает в результате утраты смежного звука: *мäслä:ät* — совет, *шä:äp* — город, Ср. в ташк. *жä:* < *жудä* — очень.

В джек. говорах фонема *ä* употребляется реже, чем в йек. и в Ташкентском типе в виду того, что известное число функций фонемы *ä* выполняется фонемой *a*. Значительно реже употребляется она в жек. говорах — отмечается в тех же лексемах, что и в казахском языке.

Заднерядная гласная фонема *a* — обычная фонема в тюркских языках кыпчакской группы, свойственна всем кураминским говорам, но распространение её в словах и формах не везде одинаково. В джек. и жек. говорах она употребляется значительно чаще, чем в йек.

Заднерядная гласная фонема *a* по своим артикуляционным качествам в значительной степени колеблется между типом *a* и типом *ä*. Употребляется в окающей группе джек. говоров и в йек. говорах, где она устойчиво сохраняет характер широкого *a*. Объяснить эту качественную устойчивость фонемы *a* — не трудно: она вытекает из сосуществования двух заднерядных фонем *a* и *ä*. Во избежание качественного совпадения *a* и *ä* губная работа при произношении *a* оказывается уже не факультативным (как в ташкентском говоре и в литературном узб. яз.), а обязательным признаком фонемы *a*.

Появление фонемы *a* (— оканья) в узбекском языке рассматривалось различно. Сторонники теории „иранизации“ в узбекском языке представляли этот процесс как результат

переосмысления типично-тюркского *а* на „иранской“ якобы артикуляционной базе.

Фонема *а* появляется уже и в акающей группе джек. и в жек. говорах, комбинаторно возникая из *а* в соседстве с губно-губным *в*: *суварватырмыз* — мы поливаем. Ср. ещё *бэратыган* — дающий, где *а* возникает при глубокозаднеязычным *г* в силу его задней артикуляции. Однако эти факты еще не дают оснований включать в вокализм данных говоров звук *а* в качестве самостоятельной фонемы.

Из прочих особенностей следует указать: 1) переход *а* > *ы*: джек. *қыял* // лит.-орф. *хаёл* — мечта; 2) лабиализацию *а*: джек. *товақ* // лит.-орф. *товоқ* — блюдо; 3) появление долгого *а*: в результате утраты смежного с ним согласного звука: йек. *қышла*: *лығ-адам* — сельский житель.

6

Рассматривая систему консонантизма кураминских говоров, необходимо прежде всего подчеркнуть: 1) во всех джек. говорах система согласных фонем в общем однородна; 2) жек. говоры отличаются наличием специфической фонемы *ж*, вместо *жс* (аффрикаты); 3) консонантизм йек. говоров значительно приближается к консонантизму литературного узбек. языка; 4) в джек. и жек. говорах фонема *й* употребляется значительно реже, чем в йек. говорах. Отдельные случаи появления *й* в anlaut'e объясняются комбинаторно-позиционными условиями; 5) в джек. и жек. говорах звукопроизводная работа, связанная с артикуляцией взрывных согласных и аффрикат, характеризуется относительно слабой смычкой органов произношения в отличие от йек. говоров и литературного узбек. языка; ср. аналогичное явление в каракалпакском языке; 6) джек. (акающей подгруппы) и жек. говоры характеризуются отсутствием глубокозаднеязычной фонемы *х*. Усвоение данной фонемы отдельными кураминскими говорами является прогрессивной чертой, а отсутствие фонемы *х* (—невозможность дифференцировать *х* и *к*), наоборот, с историко-фонологической точки зрения свидетельствует о сохранении архаической черты данного консонантизма; 7) в жек. говорах отсутствует и гортанная фрикативная фонема *χ*, имеющаяся в джек. говорах; 8) литературный узбек. язык отличается от всех говоров наличием ряда внедряющихся фонем.

В заключение даем перечень согласных фонем, заклю-

чив в скобки спорадические фонемы и чередования с факкультативными и комбинаторными вариантами.

1. Губные: *п*, *б*, [*ф*], *в* [*в/в*], *м*.

2. Переднеязычные: *т*, *д*, *с*, *з*, *ч*, [*ж*], *ш*, *ж*, *н*, *л/л'*, *р*

3. Среднеязычный: *й*.

4. Заднеязычные: *к*, [*к/х'*], *г*, [*г/г'*], *н* [*н/н'*], *х*, *қ*, *ғ* [*ғ/ғ'*].

Гортанные: *х*, [*ʔ*].

Фонема П характеризуется губно-губной артикуляцией. В интервокальном положении, а иногда и в конце, *п* заметно озвончается: джек. *тәпә* > *тәбә* — холм, *гәп* > *гәбим* — мои слова (речи). В этих же позициях фонема *п* может утрачивать смычку, акустически приближаясь к фриктивному *в*: джек. *чап* > *чавамыз* — мы окучиваем; ср. *п* > *в* перед следующим согласным — джек. *муну тавчы* — отгадай-ка это.

Эта фонетическая черта отличает джек. говоры от йекающих.

Фонема Б в джек. и жек. говорах реализуется как губно-губной, несколько приглушенный согласный звук. Артикуляция *б* в значительной степени колеблется между принципиально смычными и фриктивными йек. говоров, что приводит к появлению комбинаторных вариантов, размещающихся между *в* < *б* > *п*: джек. *хесәб* — счёт > *хесәплә* — считай > *хесәвәт* — отчёт.

Анлаутное лит.-орф. *б* (как и *б* йек. говоров) даёт в некоторых словах регулярное *п* в джекающих: лит.-орф. *битган* // джек. *питкән* — кончился; ср. *пригәдәмиз* — наша бригада. *б* > *п* на стыке двух слов: джек. *айтып паратыпты* — он рассказывает.

В йек. говорах *б* в конце слова заглушается и реализуется как *п*: *келип* — придя, *кәбәп* — шашлык. На переход *б* > *п* или сохранение *б* на стыке двух слов известную роль играет темп произношения.

Спирантизация *б* > *в*: 1) в интервокальной позиции: лит.-орф. *табиб* > джек. *тавуп* — лекарь; ср. *хәйвәтли* < *хәйбәтли* — страшный; 2) в условиях Sandhi: а) джек. *биргә волуп* — находясь вместе, б) *кәсив алдым* — я отрезал, в) *қылувды* < *қылыб эди* — он делал, г) *кәтәвүрди* < *кәтәбәрди* — он продолжал себе идти.

Чередование *б* // *м*: *бунда* // *мунда* — здесь; ср. ассимиляцию *жуммақ* < *жумбақ* — загадка.

Фонема Ф — отсутствует в кураминских говорах, она подменяется фонемой *п*, а спорадически и звуком *б*: лит.-орф. *фарқ* // джек. *парқ* — разница; лит.-орф. *шафтоли* // жек. *шабдалы* — персики.

Фонема В — губно-губное *в* в джек. и жек. говорах. В йек. говорах (в начале слов) появляется „неясный“ звук, в котором трудно провести грань между губно-губным и губно-зубным звуком. По активному органу его можно считать в этой позиции унилабиальным. В середине и конце слова он тяготеет к губно-губному *в*.

Лит.-орф. *в* по говорам может замещаться звуком *б* или *п*: лит.-орф. *сувамоқ* // джек. *сыбамақ* — штукатурировать, лит.-орф. *шавқат* // жек. *шапқат* — слава. Ср. *в* > *м* в слове *вино* > *мына*.

Выпадение *в* ведёт за собою удлинение гласного: *су : уқ* — холодно.

Фонема М — реализуется с носовым резонансом. В отдельных словах наблюдается замещение *м* звуком *б*: лит.-орф. *сомон* // жек. *сабан* — мякина; ср. чередование *б* // *м* в служебном слове *билән* // *минән*.

Прогрессивная ассимиляция: лит.-орф. *топмай* // джек. *таппай* — не найдя.

Фонема Т — смычный, глухой звук. В начале некоторых слов спорадически отмечено озвончение *т*: джек. *давуш* // *давыш* — звук, голос; ср. в середине: лит.-орф. *батрақ* // джек. *бадрақ* — батрак.

Согласный *т* может замещаться звуком *ч*: джек. *түш* > *чүш* — сойди, *тиш* > *чиш* — зубы.

К явлениям ассимилятивного порядка относятся: а) *т* > *с*: джек. *эшитсә* > *эшиссә* — если он услышит; б) *т* > *л*: джек. *жигитләрдән* > *жигилләрдән* — от парней.

Ср. диссимилятивное изменение *ыттыпақ* > *интыпақ* — союз.

В конце слова отмечается падение *т*: *дост* > *дос* — друг. Ср. падение *т* в середине слова: джек. *бәттәр* > *бәтәр* — хуже.

Фонема Д — звонкий эквивалент глухого *т*. Выступает в любой позиции; в конце слова заглушается и возмещается фонемой *т* или выпадает: *бәләнд* > *бәләнт* > *бәлән* — высокий. Ср. ещё оглушение *д*: *атта* < *ат* + *да* — на лошади; опущение *д*: джек. *кәләмә* // лит.-орф. *келадими?* — придёт ли он?

Чередование *т/д* обнаруживаем в аффиксе понудительного залога: джек. *кәлтир* — принеси, но *қылдыр* — заставь сделать.

Случай ассимиляции: джек. *әлләнти* // лит.-орф. *алдап*—он обманул или йек. *х'әлләп* < *х'әдләп*—понюхав.

Прочия явления: а) *суйраб* < *судраб*—таща за собой, б) *жәвдыратты* > *давдыратты*—он ошеломил.

Фонема С—фрикативный глухой согласный звук. Обращает на себя внимание: а) лит.-орф. *соч* // джек. *чәч*—волосы; б) лит.-орф. *супурги* // джек. *шәпырғы*—веник; в) лит.-орф. *совчи* // джек. *жәвчи*—сваха; г) лит.-орф. *қистамоқ* // *қычамақ*—настаивать.

Фонема З—звонкий эквивалент глухого *с*. В конце слова сильно заглушается и реализуется в виде *с*.

з > *й* находим в глаголе *сөзлә* > *сөйлә*—говори.

Фонема Ш—глухой фрикативный, несколько палатализованный звук. В жек. говорах находим *ш* > *с*: *бас* < *баш*—голова.

Регрессивная ассимиляция: джек. *иччи* < *ишчи*—рабочий. Падение анлаутного *ш* зарегистрировано в слове джек. *ишә* < *ишиә*—пузырёк. Ср. ещё: *жайнады* // лит.-орф. *яшнады*—он расцвёл.

Фонема Ж—встречается в жек. говорах. В индивидуальном произношении—полузвонкий шипящий спирант, акустически средний между *ш* и *ж*, особенно в интервокальном положении.

фонема Ч—глухая несколько палатализованная аффриката.

Фонема *ч*—в джек. и жек. говорах чередуется с *ш*, как и в других языках кыпчакского типа: *чай* // *шай* > *шәй*—чай. Ср. ещё: *ишти* < *ишии*—он пил.

В результате спирализации аффиката *ч* может заменяться фонемой *ш* или „неясным“ звуком, промежуточным между *ч* и *ш*, который появляется благодаря слабой смычке взрывного элемента аффрикаты *ч*, являющегося в данном случае своего рода форшлагом. В йек. говорах наблюдается удлинение согласного *ч*, которое приходится на первый смычный элемент: *әчъқ* > *әтишъқ* > *әт*: *шъқ*—горький—выбор произношения зависит от длины фразы и индивидуальных навыков говорящего.

В жек. говорах *ч* относительно регулярно возмещается фонемой *ш*.

Проф. Н. К. Дмитриев переход *ч* > *ш* характеризует как „общетурецкий закон спирализации аффрикат“.

Случай регрессивной ассимиляции: *ус-сомнан* < *үч сомнан*—по три рубля.

Фонема Ж—звонкая аффриката. Характерная фонема

джек. говоров; в йек. говорах употребляется несколько реже, а в жек. — возмещается фонемой *жс*. В некоторых говорах, совмещающих джекание и йекание, обнаруживаем полувзвонкую аффрикату, акустически промежуточную между *ч* и *жс*. В переходной и в окающей подгруппах наблюдаются комбинаторно-факультативные вариации *жс* > < *й* в начале слова. При это в чередовании *жс* // *й* обнаруживается неустойчивость, свидетельствующая об отсутствии константности в *жс* > < *й* в начале одних и тех же слов: *йегән* // *жсегән* — он ел, *йапрақ* // *жсапрақ* — лист.

В прочих джек. говорах *й* < *жс* появляется после исходного гласного предшествующего слова: *алты йүз* < *алты жсүз* — шестьсот,

Спирантизация *жс* > *й* отмечена в слове *майлис* < *мажс-лис* — собрание.

Утрата аффрикатой проточного элемента: *жастық* > *дастық* — подушка. Случай редукции смычного элемента фонемы *жс* в определенных позиционных условиях в живой узбекской речи отмечался проф. А. Н. Кононовым.

Фонема Н — обычное тюркское *н*.

В джек. говорах спорадически наблюдается чередование *л* // *н*: *ладан* // *надан* — невеста, *көйләк* // *көйнәк* — рубаха.

В джек. говорах фонема *н* комбинаторно может реализоваться в виде *н* и *м*. Переход *н* > *н* наблюдается перед согласными *к, қ, г, ғ, б*: *мен келдим* — я пришёл, *сағын-ганда* < *сағын + ган + да* — когда соскучился, *топалан болду* — была суматоха. Переход *н* > *м* в условиях Sandhi перед начальным *б*: *мағам бэр* < *маған бэр* — дай мне. В аналогичных примерах, произносимых без малейшей паузы, осуществляется процесс универбации двух основ в сложное слово. Ср. ещё: *омбэш* < *он беш* — пятнадцать.

Фонема *н*, находясь в конце основы, может подвергаться ассимиляции и сама ассимилировать аффиксальный согласный: *тыммай* < *тынмай* — без отдыха, *күннәри* < *күнләри* — дни. Ср. в йек. говорах: *ышы* < *ынь* — работу, *туз* < *тузь* — соль.

В джек. говорах *н* > *д, н* > *т* наблюдается в определённых морфологических категориях: *қалқоздын малы* — скот колхоза, *аттә көрди* — видел лошадь, *биздики* — наш.

Случай *н* > *т* находим в слове *нимә*: лит.-орф. *хеч нима* // йек. *х'еш тәмә* — ничего. Спирантизация *ч* > *ш* в сло-

ве *х'еш* привела к антиципации начального согласного *н*. В индивидуальном произношении наблюдается и дальнейшее развитие: *ш : т̣м̣ä* — с долгим *ш*:

Нарощение *н* в джек. говорах: *бэрм̣äкчин болды* — решил дать; падение *н* : *ж̣ä анны н̣* > *ж̣анын* — души (род. п), ср. *ж̣анын* — твоя душа. Спорадически падение *н* находим в дательном-направит. падеже: *уға* // лит.-орф. *унга* — ему, *буга* // лит. орф. *бунга* — этому; в послелого *минä* < *мин̣än*, в йек. говорах *б̣äл̣än* > *б̣äл̣ä* > *äл̣ä*.

Фонема *Л* и *Л'* — в акающей подгруппе: в словах с задним вокализмом выступает *л*, а в словах с передним вокализмом — *л'* : *тола* — полный, *чөл'* — степь.

В окающей подгруппе и в йек. говорах имеется только одна фонема, комбинаторно варьирующая между передним и задним укладами, в зависимости от общего звукового окружения; ср. известное физическое различие между *л* в *көл* — озеро и *қол* — рука; тоже самое в ортофонии литературного узбекского языка.

Переход *л* > *н* осуществляется после исходных носовых *м*, *н* : *к̣амник* < *к̣амлик* — недостаток, *чай д̣ам̣н̣än* (< *б̣ам̣л̣än*) — заварив чай, *тайыннан* < *тайынлап* — поручив, *д̣эг̣әнн̣är* < *д̣эг̣әнл̣är* — они сказали.

Ср. чередование *л* // *н* : *л̣экин* // *н̣экин* — но.

Регрессивная ассимиляция: *айрыммайды* < *айрылмайды* — не отделяется.

Спорадически отмечается замещение *л* звуком *р* : *б̣ärки* < *б̣äл̣ки* — но, *жыгырдан* < *жыгылдан* — глотка.

Появление *й* вместо *л* отмечено в глаголе *қал* — остаться, выступающем в качестве вспомогательного: джек. *к̣эт̣ä-ғайса* < *к̣эт̣ä қалса* — если он уйдёт.

В джек. говорах в односложных глаголах *л* регулярно выпадает: *қыб* < *қылыб*, *сан* < *салын* — положи. Ср. в аффиксе — *лар* : *биз̣är* < *биз̣л̣är* — мы, *сиз̣är* < *сиз̣л̣är* — вы.

Фонема *Р* — реализуется как дрожащий согласный. Перед переднерядными согласными *р* имеет очень переднюю артикуляцию.

В джек. говорах в основе *қары* — старый — неоднократно отмечалось удвоение *р* : *қарры*. При этом, несмотря на соседство с глубокозаднеязычными *қ*, звук *р* имеет палатализованный характер и оказывает смягчающее действие на гласный *а* : *қар̣ръмад̣ө* — он не состарился. В искони узбек-

ских словах употребляется главным образом в середине и в конце слова.

Факультативно-спорадически *р* может реализоваться в виде: а) *л* : джек. *а́нжисл* < *а́нжиср* — инжир; ср. в йек. *йомал* < *ромал* — платок; б) *д* : байдақ < *байрақ* — знамя.

Фонема *р* подтверждена действием прогрессивной ассимиляции: *матта* < *мартта* — раз, *зънжълла* < *зънжърла* — закрой (на цепь).

Фонема *р* может выпадать как в основах, так и в аффиксах.

Фонема Й — произносится напряжённее русского *й*.

О чередовании *й* // *ж* по говорам сказано выше. Факультативно-спорадически чередуются *ч* // *й* : йек. *чештъ* // *йештъ* — он снял.

Фонема *й*, как и фонема *ж*, оказывает смягчающее действие на соседние гласные звуки: *жйй* — место // лит.-орф. *жой*; ср. *райаннан* — из района.

Фонема *й* спорадически может опускаться: джек. *на́свә* < *на́свай* — табак (особого приготовления). В йек. говорах начальное звуко сочетание *йъ* иногда превращается просто в *ъ* : *ъл* < *йъл* — год. В ташкентском *й* в этом слове сохраняется, но отсутствует в сочетании с числительными: *уч ъл* — три года. В слове *йъгърмә* звук *й* устойчиво сохраняется. Обратное звуко сочетание — *ъй* производит акустическое впечатление долгого *ъ* : *къ : дё* < *къй дё* — он надел.

Появление *й* : джек. *са́рпа* > *са́рпайла́рди* — одежду и обувь, преподносимые в виде подарка.

й > *х* : *валахат* < *вълайат* — область.

Фонема К — звук заднеязычный смычный, менее глубокий, чем *к*.

Спирантизация представлена переходами *к* > *х'*, *к* > *й*, *к* > *в* : джек. *ко́х'ла́м* < *ко́кла́м* — весна, йек. *ех'са́* < *екса́* — если посеет, джек. *эши́йига́* < *эши́а́ига́* — на его осла, йек. *етъй* < *етък* — сапоги, джек. *ту́зүв болады* < *ту́зүк болады* — будет хорошо.

Озвончение *к* и переход его в *г* наблюдается в начале слова, в интервокальном положении и в условиях Sandhi : джек. *га́гирдак* < *ка́кирдак* — кадык, *э́гън* < *экън* — посев, *бо́лаг-адам* < *бо́лак-адам* — другой человек. Сандхическое чередование *к* // *г* прослеживается во всех кураминских говорах.

В случае *бир-гъла* < *бир-къла* переход осуществляется благодаря звонкому *р*, вызвавшему уподобление по звонкости.

Ауслатное *к*, как и в других джекающих говорах, выпадает: *къчи* < *къчик* — маленький, *тири* < *тирик* — живой. Ср. падение *к* в слове *жэтайлап* < *жэтаклап* — ведя. Падение *к* может приводить к появлению долготы: йек. *дъйқанчълък* > *дъйқанчълъ*: — крестьянство.

Фонема Г — звонкий эквивалент глухой фонемы *к*.

Фонема *г* имеет свой комбинаторно-факультативный проточный вариант *г'*: джек. *эшаг'лъ* — имеющий осла, *маг'ъс* — изюм. Однако спирализация *г* > *й* является более обычной для кураминских говоров: *тийса* — если тронет // лит.-орф. *тегса*, *тийирман* — мельница // лит.-орф. *тегирмон*.

Фонема Н в кураминских говорах реализуется различно: 1) в джек. и жек. говорах *н* есть чистый (— без особых призвуков) носовой, соответствующий аналогичному звуку прочих тюркских языков кыпчакской группы; 2) у отдельных представителей йек. говоров факультативно встречаем два варианта исходного согласного *н* — в виде *н'* и в виде *н* (без призвука). В этом можно усмотреть одну из черт ташкентского говора, хотя и в нём призывок *г* не является обязательной принадлежностью фонемы *н*.

В йек. говорах наблюдается обычный для ташкентского типа переход аффиксального *н* > *й* — *туръйла* < *турънлар* — стойте, *йолъйз* < *йолънъз* — ваш путь.

Появление звука *й* вместо *н* [и падение *н*] спорадически отмечено и в джек. говорах: *менин уч ун* < *мэнийичин* < *мэничин* — для меня, *сэнин учун* > *сэничин* — для тебя.

н факультативно может утрачивать свой второй смычный элемент, превращаясь в обычное носовое *н*: джек. *мылтыхтын оғыдай* — как пуля ружья.

Фонема Қ — глубокозаднеязычный смычный. В джек. и жек. говорах заметно аспираторован.

В односложных словах фонема *қ* имеет максимально задний оттенок: джек. *қақ* — пастила, *қат* — слой. В интервокальном положении артикуляция *қ* продвигается вперёд, что приводит к облегчению произношения: *соқым* // *бордақы* — откормленный убойный скот. В этой же позиции (как и в условиях Sandhi) звук *қ* способен озвончаться и реализоваться в виде *г*. Спирантизация *қ* > *г* характерна для

джек. говоров: *чыгып* — выйдя, *чагыр* — позови, *кэчә-гайт-қан* — вчера вернулся, *аҕ-эшаӕ* — белый осёл.

Спорадически озвончение встречается и в начале слова: *ҕарҕа* < *қарҕа* — ворона.

Спирантизация $\kappa > x$, способствующая закреплению новой для джек. говоров единицы консонантизма, рассматривается как прогрессивное явление в историко-фонетической эволюции языка. $\kappa > x$ осуществляется в любой позиции: *чыхты* — он вышел, *махсат* — цель, *хамчы* — нагайка, *қылайых* — сделаем-ка мы. Данное фонетическое явление прослеживается и в йек. говорах.

$\kappa > v$: *айув* — медведь // лит.-орф. *айиқ*.

Падение ауслаутного κ — явление обычное в джек. говорах: *тары* — просо, *қатты* — твёрдый. В йек. говорах падение κ влечёт за собой удлинение гласного: *йо : уйамас* — нет, не он.

Фонема Х — соответствующий проточный для смычного κ . В акающей группе джек. и жек. говорах эта фонема размещается фонемой κ . В окающих джек. говорах довольно часто реализуется в виде аффрикаты KX : *Kхат* — письмо, *Kхатын* — женщина.

Фонема Ғ — проточная глубокозаднеязычная согласная.

В джекающих и жекающих говорах склонна переходить в *в* или *й*. Иногда согласный *Ғ* выпадает, а смежный с ним гласный приобретает долготу: *оҒлы* > *увлы* > *у : лу*, спорадически *улу* — сын.

Фактический материал показывает, что наибольший процент комбинаторных изменений *Ғ* в середине и в конце слова падает на $\textcircled{Ғ} > v$: *авыз* // лит.-орф. *-оғыз* — рот, *бுவдай* (спорадически *бийдай*) // лит.-орф. *буғдай* — пшеница. Переход $\textcircled{Ғ} > v$ распространяется и на аффиксы: джек. *ат атува мь-ньп* — сев на лошадей.

Ср. ещё: а) $\textcircled{Ғ} > й$ лит.-орф. *сиймайди* // джек. *сыймайды* — не уместится, б) $\textcircled{Ғ} > x$ — лит.-орф. *ихвогар* // джек. *ихвәгәр* — подстрекатель.

Приведённые примеры касались изменений *Ғ* по линии появления проточных комбинаторных заместителей: $\textcircled{Ғ} > v$, $\textcircled{Ғ} > й$, $\textcircled{Ғ} > x$. Но согласный *Ғ* может реализоваться и как взрывной звук $\textcircled{Ғ'}$ — смычный глубокозаднеязычный звонкий согласный, комбинаторно возникаемый из *Ғ* в позиции после носовых *м* и *н*: *җамҒ'ыр* — дождь, *қаранҒ'ь* — темно. Однако в звукоподражательном комплексе *ғунғун* мы находим не смычный, а проточный вариант. В этом факте сле-

дует видеть зависимость от самого принципа редупликации содействующего артикуляционному тождеству обоих повторов, начинающихся звуком *ʁ*.

Отмечено оглушение *ʁ* и переход его в *q*: *бақча* — садик.

Фонема *χ* — глухой гортанный проточный звук. Употребляется главным образом в арабско-персидской лексике, содержащей звуки *ح* и *خ*. Эти звуки в говорах Ташкентской области отражаются различно: 1) В джек. говорах они реализуются в виде *χ*; 2) Общая масса жек. говоров характеризуется отсутствием фонемы *χ*; 3) Йек. говоры разбиваются на два типа: а) карахтайский тип, располагающий фонемой *χ*, б) пискентский тип, где разница между *χ* и *x* возмещается звуком, приближающимся к русскому палатализованному *χ'*.

Примеры: джек. *χāmā* — все, *χāzir* // жек. *āzir* // йек. *χāz̄ir* — сейчас, джек. *χōkūmāt* (спорадически *ōkūmāt*) — правительство.

В некоторых словах звук *χ* то появляется, то исчезает: джек. *айда* = *χайда* — паши. Падение звука *χ* наблюдается: а) в начале слова: джек. *исāp* < *χисāp* — счет, *āli* < *χāli* — ещё, *сән* < *ām* < *сән χām* — и ты; в середине слова: джек. *шā* : *ār*, < *шāχār* — город. *мāслā* : *āt* < *мāслāχāt* — совет; в) в конце слова: *никā* < *никāχ* — обряд бракосочетания.

Комбинаторные заместители *χ* : *χ* > *й* в интервокальном положении, между гласным и сонорным, и в условиях Sandhi: джек. *әнāсийām* < *әнāсиχām* — и её мать, *зийн* < *зиχн* — сообразительность; *χ* > *в* — *субbāt* < *сүχbāt* — беседа.

Регрессивная ассимиляция: джек. *мāккām* < *мāχкām* — крепко, *мāсси* < *мāχси* — ичиги.

Джек. говоры отличаются появлением в начале некоторых слов звука *χ*: *χāсāl* — мёд, *χāййār* — хитрый, *χārrā* — пила, *χāйван* — терраса.

Гортанный смычный звук ' = арабскому айн 'у *ع*, впоследствии в ряде слов заменившемуся хамзой.

Данный согласный не усвоен кураминскими говорами: джек. *вāдā* // лит. = орф. *ва'да* — обещание, джек. *мāниси* // лит. = орф. *ма'носи* — его смысл.

В качестве заместителей хамзы и айна спорадически может выступать *в* — *мўвāллим* — учитель, *χ* — *шāриχāt* — ша-риат.

Кураминские говоры в смысле использования лингвально-сингармонистических чередований распадаются на три группы.

1. Джек. и жек. говоры последовательно проводят закон лингвального сингармонизма — принцип единообразно-звукового состава по признаку горизонтального уклада языка. Отступления наблюдаются: а) в ломаных словах: *чай-нәк* наряду с *чайнәк* — чайник, б) в сочетании с частицами: *әлди-го* — ведь он умер, *барды-дә* — он ходил и..., в) в сочетаниях с *экән*, *эмәс*: *барәкән* < *бар-экән* — оказывается есть, *узағәмәс* < *узақ эмәс* — недалеко, г) в сочетании с глаголом *қал*: *көрәғайсын* < *көрә қалсын* — пусть он увидит, д) в причастии настоящего времени: *кәләтыған* — приходящий, е) в связи с изменениями гласных в основе: *қай-да* — где, *қайғы* — печаль.

2. В переходной подгруппе намечается первая ступень сокращения лингвально-сингармонистических чередований, состоящая в совпадении негубных контрастирующих пар гласных верхнего подъёма.

3. В йек. говорах отсутствуют сингармонистические чередования гласных.

В части же использования лабиально-сингармонистических чередований, акающая группа джек. и жек. говоров отличается от прочих кураминских — в них корневой губной гласный весьма часто оказывает влияние на гласный аффикса.

В этой же главе рассмотрен вопрос о распределении гласных *а*, *ә*, *а* в основах; в кураминских говорах это фонетическое явление представлено очень разнообразно. Здесь же разобрано: падение гласных [типа: а) в основе слова: *хардар* < *харидар* — покупатель, б) в основе при нарощении аффиксов: *баллар* < *балалар* — дети, *ики+әв* > *ик-әв* — вдвоём, *мурун* > *мурны* — его нос, в) на стыке двух слов: *жылқычиндә* < *жылқы ичиндә* — среди лошадей, *эки қолыны* — обе руки и т. п.] и согласных звуков [см. характеристику отдельных фонем], **стяженные формы**, образовавшиеся в результате опущения целых слогов или одно-

временного падения гласных и согласных звуков, относящихся к различным, но соприкасающимся слогам [типа, а) в основе слова: *нэси* < *нимәси* — что, б) за счёт основы и аффикса: *қып* < *қылып* — сделав, *бойма* < *болмайдыма?* — а разве не будет? в) стяжение за счёт аффикса: *болмаймы* < *болмайдымы?* — а разве не будет? г) в результате соединения двух основ: *қайтып* < *қандай этип?* — каким образом? Ср. в ташк. *беттә* / *ботта* < *буйердә* — здесь и т. п.):

появление гласных [типа *ылай* < *лай* — грязь], **согласных** [типа: а) в начале слова: *хәйван* < *айван* — терраса, *жибәк* < *ипәк* — шёлк, *чәртәк* < *әртәк* — сказка, б) в середине слова: *суярәт* < *сурәт* — картина, *нәйчә* < *нечә* — сколько, в) в конце слова: *мәникәй* < *мәники* — мой, *кәтмәкчин* < *кәтмәкчи* — собирающийся уехать, г) на стыке двух слов: *хәллиди* < *хәл эди* — был решён, *төмәнгәлдә* < *төмән элдә* — в нижнем поселении], **перестановка звуков** [типа: *дәйрә* < *дәрийә* — река, *әвхәл* < *әхвал* — положение, *дүйнә* < *дүнийә* — вселенная, *өкпә* < *өпкә* — лёгкие, *турпах* < *тупрақ* — земля, *қумурсқа* < *қурмусқа* — муравей, *сәбиз* < *сәбзи* — морковь и т. п.] дана сводка комбинаторных и факкультативных изменений гласных и согласных в основах и аффиксах.

8

Показателями множественного числа в джек. и жек. говорах выступают аффиксы: —*нәр* / —*нәр*, присоединяемые к основам с исходными *м*, *н*, *н*: *қатыннар* — женщины, *кән-нәр* — приходите; в прочих основах —*лар* / —*ләр*: *қызлар* (жек. *қыздар*) — девушки, *сөзләр* — слова. От личного местоимения *сиз* в джек. и йек. говорах широко распространено образование: *сизләр* > *сизәр* > *силәр* > *сләр*, спорадически *слә* — вы. Ср. *бизләр* > *бизәр* > *бзәр* — мы.

Фонетическое изменение по линии — *ләр* > — *лә* > — *ә* широко прослеживается на материале кураминских говоров.

В джек. и йек. говорах анлаутный согласный аффикса мн. числа не подчиняется закону прогрессивной ассимиляции по звонкости ~ глухости, поэтому аффиксы —*дар* / —*тар* в них отсутствуют.

* * *

В джек. и жек. говорах местоимённо-поссесивные аффиксы подчиняются закону лингвально-сингармонистических

и лабиально-сингармонистических чередований. В йек. говорах находим один ряд аффиксов с индифферентным гласным *ъ*.

Наряду с правильной формой 3-го лица, встречаются дублиеты с двойным наращением аффикса: *экāv+и+си*—они вдвоём, *алтав+ы+сы*—они вшестером. Дальнейшее развитие приводит к фонетическому упрощению по линии *экāvси*, *алтавсы* или к появлению губного гласного—йек. *ъккавусъ*, *алтавусъ*, что объяснимо действием губно-губного *в*.

В йек. говорах аффикс 2-го л. мн. ч.—*нъз* при быстром темпе речи превращается в—*ъйъз* / —*йъз* даже—*ъйз*: *акā-йъз*—ваш старший брат, *нанъйз*—ваш хлеб. Для ташкентского типа перехода *н>й* в данном аффиксе является уже нормой. Фонетическое упрощение привело к появлению форм: *атъз* < *атъйъз*—ваша лошадь, *балъз* < *балайъз*—ваш ребёнок. Ср.: *бъръз*—один из вас, но *бъруз*—один из нас. Здесь обращает на себя внимание морфологическое использование гласных *ъ* и *у* при семантической дифференциации слов по лицам.

Процесс утраты местоименно-поссесивных аффиксов наблюдается во всех кураминских говорах. Эллипс аффикса прослеживается не только в 3 л., но и в 1 л. мн. ч.: йек. *бъздъ авқат*—наш обед, во 2 л. мн. ч.: джек. *сизди бий-дй*—ваша пшеница.

* *

Именные части речи, выступая в позиции сказуемого, обычно принимают местоименно-предикативные аффиксы. Однако в джек. говорах при наличии предикативной связи имя—сказуемое не всегда принимает аффиксы, которые особенно подчёркивали бы его предикативную функцию: оказывается достаточным простой расстановки слов (—синтаксического приёма) при эллипсе морфологических показателей: *сиз русми, ноғайми?*—вы русский или татарин? *биз озвāk, курама минāн озвāk бир қалқ*—мы узбеки, курама и узбеки—один народ, *мэн ишчи*—я рабочий, *сэн авчы*—ты охотник.

Итак, в джек. говорах эллипс местоименно-предикативных аффиксов является обычным, но не обязательным приёмом выражения именного сказуемого. В них встречаются

и аффиксальные формы, выступающие в полном соответствии с лингвально-сингармонистическими чередованиями. Йек. говоры отступают от безаффиксальной конструкции и находят эквивалент в парадигме литературного узбекского языка. По своему звуковому составу аффиксы йек. говоров более или менее однородны.

* *

Фонетические варианты вопросительной частицы —*ма* / —*мă*, —*мы* / —*ми* прослеживаются на всей территории джек. говоров: *барма?* — есть ли? *жоқмы?* — нет ли? *кэлăмă?* — придёт ли он? *укăсими?* — младший его брат?

Употребление же фонетически промежуточной частицы —*мъ* локализуется в пределах йек. говоров, а частично и в переходной подгруппе, где уже закончен процесс конвергенции *ы* × *и* в фонеме *ъ*. Жек. говоры располагают значительно большим количеством фонетических вариантов вопросительной частицы.

На материале исследуемых говоров вскрываются те же функции данной частицы, которые отмечены в работах некоторых тюркологов.

Одним из средств выражения вопросительного значения служит депласация ударения и „синтаксическая депласация“ порядка слов.

Частицы *ку* и *го* (в джек. говорах): *кэлди-го* — он же пришёл, *амаган экăнсиз-го* — ведь вы, оказывается, не взяли, йек. *пăхтă тердъ-ку* — ведь он собирал хлопок.

В жек. говорах наряду с —*го* выступает и сильно ударенная частица —*гой*: *кôрсэттим-гой* — ведь я показал.

Частицы —*дă* / *де*: йек. *келдъ-дă* — он пришёл и... *алдъ-де* — он взял и....

9

При склонении действуют два закона: сингармонизм в его лингвально-сингармонистической части и ассимиляция согласных по звонкости и глухости. Лабиально-сингармонистические чередования в падежных аффиксах встречаются лишь на правах факультативно-спорадических явлений. Губные варианты значительно чаще встречаются в акающей группе. Падежные аффиксы йек. говоров более устойчиво сохраняют свой звуковой состав.

По составу фонетических вариантов аффиксов в джек. и жек. говорах обнаруживается четыре типа склонения:

1. По первому типу склоняются основы имён с глухим согласным в ауслауте, а также и основы с конечными *д* и *б*, которые, принимая падежный аффикс, подвергаются

действию регрессивной ассимиляции и переходят в соответствующие глухие. Падежные аффиксы первого склонения имеют в начале *т*, кроме дательно-направит. падежа.

2. Ко второму склонению относятся основы имён, имеющие в своём исходе *з, р, л, й, в*. Падежные аффиксы имеют в начале звонкий согласный *д*, кроме дательно-направит. падежа.

3. По третьему склоняются основы, оканчивающиеся на носовые *м, н, ң*. Падежные аффиксы родительного и исходного падежей в ряде случаев меняют начальный аффикса *д* на носовой *н*.

4. К четвёртому типу относятся основы, имеющие в конце гласный звук. Падежные аффиксы сохраняют в начале *д* в местном и исходном падежах, в родительном и винительном же—аффиксальный *д > н*.

Основной падеж (безаффиксальный) в предложении выступает в роли: 1) Подлежащего: джек. *қалқозымыз пақта эғәди*—наш колхоз сеет хлопок, *бийердә өрдүк, ғаз, қырғавыл бар*—здесь есть утки, гуси и фазаны (—каждый член данного социативно-связанного ряда имён является самостоятельным подлежащим); 2) Именного сказуемого; *мәний атам ишчи*—мой отец рабочий. Ср. номинативные выражения: *маша қышлақ*—кишлак Маша, *самарчық қышлақ*—кишлак Самарчик; 3) Определения: *темир мала*—железная борона—определение выражает материал. Ср. композиционные конструкции атрибутивного типа: йек. *пәхтәзәвад* < *пәхтә зәвад*—хлопкозавод; или джек. *майжуваз*—маслобойня (кустарная); 3) Дополнения: джек. *сәбиз эғәмиз*—сеем морковь (формально—основной, а логически—винительный неформальный). Ср. выражение: джек. *күм ол чағырған?*—кто его позвал?; 5) обстоятельственных слов: а) времени—джек. *бу жыл пақта көп болди*—в этом году много хлопка; б) места (в определённых словосочетаниях)—джек. *шә: әр бараман*—я пойду в город.

Следует указать на обороты речи при спокойном обращении к слушателю и при окликах кого-нибудь на далеком расстоянии. Имя в таких оборотах отличается тем, что оно в качестве обращения произносится с особой силой и иной мелодией голосового тона.

Родительный падеж в джек. и жек. говорах имеет аффиксы: 1)—*нын*!—*нин*: *маланын тиши*—зубья бороны, *башқа кишинин уйу*—дом другого человека.

Основы, имеющие в ауслауте согласный звук *н*, могут утрачивать его, принимая формант родительного падежа: *жугӑннин* > *жугӑнин* — уздечки. Ср. *сэнин* > *сэн* — твой, где выпадает не только исходный согласный основы, но и начальный аффикса со смежным с ним гласным.

Род. падеж от личных местоимений множественного числа: *бизин* — наш, *сизин* — ваш; вероятно обнаруживаем здесь пережитки древне-тюркской формы родительного падежа с аффиксом — *ин*.

Спорадически отмечается появление *н* вместо *ӑ*: *бизин-дӑй* — подобно нашему, *сизиндӑй* — подобно вашему.

2) — *тын* / — *тин* : *қышлақтың* — кишлага, *жибӑктин* — шёлка.

3) — *дын* / — *дин* — *жӑйдин* — места, — *қыздын* — девушки.

Губные варианты встречаются сравнительно редко: *гӧр дӱн ичидӑ* — в могиле, *онун жӑгӑн наны* — хлеб, который он ел.

Итак, отличие джек. от йек. говоров и литературного узбекского языка состоит в наличии чередования начальных аффиксальных *н* / *т* / *д*. Это чередование прослеживается и в винительном падеже.

Родительный падеж, как и в других тюркских языках, может быть оформленным и неоформленным. Особенности их вскрываются на материале кураминских говоров.

Винительный падеж имеет аффиксы:

1) — *ны* / — *ни* : *ка̋са̋ни* — чашку, *шагалны* — шакала.

Винительный падеж от личных местоимений: *мэ̋ни* — меня, *сэ̋ни* — тебя; ср. *сэм̋мэ̋нӑ* — ты меня, — где обнаруживаем *и* > *ӑ* в аффиксе. Комплекс *сэм̋мэ̋нӑ* был произнесен с главным ударением на слоге — *нӑ*.

С местоименно-посесивными аффиксами спорадически отмечается „усечённая форма“: *то̋нын* < *то̋ныны* — его халат, *мурутын* < *мурутыны* — его усы.

2) — *ты* / — *ти* : *ий̋тти* — собаку, *кӧ̋пти кӧ̋ргӑн* — он много видел.

Открытый звук типа *ӑ* возможен и в этом варианте аффикса: *кӑ̋рпӑ̋ктӑ̋* — ресницы.

3) — *ды* / — *ди* : *сӧ̋злӑ̋рди* — слова, *шо̋ жӑ̋йлӑ̋рди* — эти места, *қойумды* — моего барана.

В йек. говорах и переходной подгруппе выступают аффиксы — *нӑ* / — *тӑ̋* / — *дӑ̋* : *бой̋нӑ̋* — его шею, *э̋т̋кт̋* — сапоги, *ч̋бра̋кт̋* — светильник, *э̋ш̋йд̋* — дверь. Наряду с чередованием *н* / *т* / *д* находим и полную прогрессивную асси-

миляцию начального аффикса исходному основы: *йерръ* < *йер-
нъ*—землю, *ъишъ* < *ъишнъ*—работу. Ср. в ташк. говоре: *къммъ* <
къмнъ—кого, *съззъ* < *съзнъ*—вас. Спорадически это явление
отмечается и в переходной подгруппе.

Губные варианты аффикса встречаются довольно часто:
муну—это, *устуну*—верх, *созду*—слова.

Спорадически отмечены и гласные верхне-среднего подъ-
ёма: *жулдуздо*—звезду. Однако эта черта встречается
редко.

Винительный падеж, подобно родительному, употребляется
как в аффиксальной, так и в безаффиксальной форме. Осо-
бенности их освещены на материале данных говоров.

Родительно-винительный падеж в той или иной степени
прослеживается во всех узбекских говорах. В ведущих го-
ворах—это особая морфологическая категория. Процесс ко-
нвергенции—*нын* × — *ны* в аффиксе—*ны* прослеживается и в
джек. говорах, что приводит к появлению дублетных кон-
струкций типа: *қожайынды* / < *қожайындын* / *қызыға*—дочери
хозяина, семантика которых вскрывается позицией их в
предложении. В этих говорах в качестве показателей роди-
тельного падежа выступают те же фонетические варианты
аффикса, которые являются принадлежностью винительного
падежа. Следовательно, родительно-винительный падеж, яв-
ляющийся речевой нормой для городской диалектной базы,
получил распространение и в джек. говорах, в частности и
в кураминских, на что уже нами указывалось в печати.¹

В йек. говорах звуковая характеристика этого падежа
совпадает с ферганским чередованием—*нъ* / — *дъ* / — *тъ*, совпада-
ют и функции как аффиксального, так и безаффиксального
родительно-винительного падежа.

Дательно-направительный падеж в джек. говорах имеет
аффиксы—*гä* / — *га*, — *кä* / — *қа*; в жек. говорах дополнительно
имеется вариант—*ке*; в йек. говорах отсутствует—*га*, а упо-
требление—*қа* ограничено позицией смежности с глубоко-
заднеязычными *қ* и *ғ*.

В части наличия различных фонетических вариантов по-
казателя этого падежа наиболее пёструю картину дают джек.
говory. Примеры: 1) — *гä* / — *га*: *бизäргä*—нам, к нам, *тойға*
—на свадьбу, *қолыға*—в (свои) руки, *йергä*—на землю.

При нарощении аффикса к основе с исходным *н*, спора-
дически происходит слияние последнего с согласным аффи-
кса в один носовой *н*: *ойуна* < *ойунға*—игре *тейирмāнā* <

1. "Тюркологический сборник", 1, 1951.

тейирмāнгā—на мельницу. Однако не всегда $n + f$ (или g) $> \dot{n}$. Значительное количество примеров свидетельствует о раздельном произношении в джек. говорах; *қай таманға?*—в какую сторону? *тāшкāнгā*—в Ташкент.

Усечённая (южно-тюркская) форма факультативно-спорадически возникает в джек. говорах после местоимённо-посесивного аффикса: *ата-энāmā* < *ата-энāmгā*—моим родителям.

С аффиксом 2-го лица: *кōз унā* < *кōз ун + гā*—в твои глаза, *уйу нā* > *уйу н + гā*—к тебе домой.

Ср. *атына*—твоей лошади и *атына*—его лошади.

Дательно-направительный падеж от личных и указательных местоимений в джек. говорах имеет формы: 1) *маған*—мне, *саған* (спорадически *сәған*)—тебе, *уған*—ему, *буған*, *шуган*—этому, 2) *мәнā* < *мәнгā*—мне, *сәнā* > *сәнгā*—тебе, *унā* < *унгā*—ему.

Джек. говоры допускают параллельное употребление этих форм, в отличие от йекающих, в которых форма типа *маған* не встречается вовсе.

2) —*қа* / —*кā* : *күч үккā*—щенку, *очаққа*—в очаг (печку).

Факультативно-спорадически: *қышлақа* < *қышлаққа*—в село, *уйақа*—*буйақа* < *уйаққа-буйаққа*—туда-сюда.

Падение аффикса дат.-направит. падежа наблюдается в определенных (стабилизировавшихся) словосочетаниях.

$f > v$ в аффиксе: *ат-атува* < *ат атыға*—на лошадей.

В предложении данный падеж выступает в позиции: а) дополнения (косвенного объекта действия)—джек. *маған дари берди*—дал мне лекарство, б) обстоятельственных слов—*далаға кетти*—ушёл в поле.

Дат.-направит. падеж указывает: а) направление—джек. *тоқайға барамыз*—мы пойдём в (заросли) камыши; в этом случае встречается и безаффиксальная форма, б) цель—*пүлгā*—за деньгами, в) сходство—*маған оқшайды*—похож на меня, г) цену—*бәш сомға*—за пять рублей, д) место—*атқа* на лошадь, е) время—*кәлāси жылға*—на будущий год.

При указании предела во времени и в пространстве: джек. *алтайғача*—до шести месяцев, *қышлаққача*—до селения. Ср. ещё: джек. *эртāнгāчā*—до утра, *кәчкāййин*—до поздна, ж) возраст—*жигирмāгā кирдим*—мне пошёл двадца-

тый год, 3) ответ (на что-нибудь) — *қатыға жавун* — *от-вет* на его письмо.

Местный падеж имеет окончания — *да* / — *дä*, — *та* / — *тä*; в йек. говорах преобладает дублет с гласным *ä*.

Примеры: 1) — *да* / — *дä*: джек. *дäйрäдä* — на реке // йек. *дäрйäдä*, джек. *жэр астыда* — под землёй, 2) — *та* / — *тä*: джек. *мäйлистä* — на собрании, *қышлақта* — в селении.

Местный падеж выступает в предложении в роли обстоятельства: а) места: *шäйрäдä* — в городе, б) времени: *бэш күндä* — в пять дней. При указании на момент действия возможен безаффиксальный местный падеж: *шо жыл* — в этом году.

Он же указывает на наличие (реже принадлежность) предмета. Ср. смысловое различие: джек. *биздä мал бар*, *бизин мал бар*, *бизин малымыз бар* — у нас есть скот.

Спорадически отмечаются факультативно-существующие конструкции с местным и дательно-направит. падежом.

Исходный падеж в джек. говорах оформляется аффиксами: 1) — *дан* / — *дän*: *үстүдän* — с верху, *орнудан* — с места; 2) — *тан* / — *тän*: *қуштан* — из птиц, *чэлактан* — из ведра; 3) — *нан* / — *нän*: *рäйәннän* — из района, *үс-сомнан* — по три рубля.

В качестве форманта исходного падежа факультативно-спорадически встречается и архаический дублет: *нийäлäдин* — из пиялы, *чийäдин* — из чии (—камыша).

Переход *н* > *н̈*: *жолдан* [*жолдан*] *қайтып* — вернувшись с пути.

В йек. говорах формантом исходного падежа являются — *дän* / — *тän*.

Исходный падеж в предложении выступает в роли обстоятельства: а) места: *тäшкәннän кэлди* — приехал из Ташкента, б) времени (с послелогоми): *мäйлистän кай* — после собрания, в) причины: *жамғыр боғаныдан биз дäйрäгä чықмадық* — мы не выходили на реку из-за дождя.

Исходный падеж выражает: 1) предмет, от которого исходит или начинается действие: джек. *әнäсини алдыдан* — от его матери; 2) предмет, являющийся косвенным объектом

действия: *қырғавулны башыдан ушлама*—не держи фазана за голову; 3) лицо, от которого что-либо отделяется, отнимается, покупается, спрашивается и т. п., место где ищут или находят предмет: *йек. сен кѣмдѣн сорадѣн*—ты у кого спросил? джек. *ашыр-у: лудан жумбаг жазып алды*—он записал загадку от (со слов) Ашира-улу; 4) материал, из которого что либо делается: джек. *ылайдан*—из глины, *йек. чѣттѣн*—из ситца; 5) объект, из которого или по которому совершается действие: *кѣпрѣкт ѣн*—через мост; 6) признак, по которому предмет узнают: джек. *мѣн сѣни ийтѣннан таныдым*—я узнал тебя по твоей собаке; 7) сравнение: *мѣнтѣбадѣн самарчык узақ*—Самарчик дальше, чем Мингтубе; 8) разделительное значение: *маган эки-путтан бѣрди*—мне дал по два пуда; 9) часть целого: *шо арпадан жи-бѣриш кѣрак*—нужно послать (из) этого ячменя; 10) переход из одного состояния в другое: *йек. уйқудан турдѣм*—я проснулся (букв. “я ото сна поднялся”).

Этим исчерпывается перечень тех форм (кроме родительно-винительного падежа), которые выделяются в именном словоизменении литературного узбекского языка. Материалы исследуемых говоров убеждают нас в наличии случаев переходного характера—промежуточных между послеложными конструкциями и аффиксальными формами.

Instrumentalis sociativi с послелогом *минан* (и фонетическими его вариантами, лит.-орф. *блан*) на материале кураминских говоров свидетельствует о зарождении особой морфологической категории в результате постепенной грамматикализации послелога и превращения его в аффикс.

1. **Послеложный оборот:** джек. *жѣрди мѣши : нѣ минѣн айдаймыз*—землю вспахиваем машиной, *соқа мынан*—плугом;

2) **Аффиксальная форма:** *кѣммѣн кѣтѣсиз?*—с кем уедете? *адамман*—с человеком, *сизман*—с вами.

Не касаясь здесь вопроса историко-фонетической эволюции, в результате которой происходило изменение данного

послелого, мы позволим лишь констатировать наличие:
а) *бирлән > лә*; б) *минән > мән*, *мынан > ман* с промежуточными фонетическими вариантами в обоих случаях.

* *
*

Обилие примеров на аффикс—*дай* / —*дәй* в джек. говорах обращает на себя особое внимание.

Выделяя рассмотрение формы с аффиксами—*дай* / —*дәй*, —*тай* / —*тәй*, мы не настаиваем на установлении в системе кураминского именного словоизменения особого „сравнительного падежа“, хотя эти формы оказываются „семантически близкими к падежным формам имени“ (проф. Н. А. Баскаков) и как самостоятельная морфологическая категория рассматривается в склоняемых формах некоторых тюрских языков.

Основное значение аффикса—*дай* / —*дәй*—передача оборотов сравнения и сопоставления: *улақтай*—как козлёнок, *оғидай*—как его пуля, *мәндәй*—как я.

С указательными местоимениями: джек. *шондай* / *шундай*, *мындай*—такой, *ондай* / *ундай*—такой.

Аффикс—*дай* / —*дәй*—может сочетаться: а) с родительным падежом: *бизиндай*—как наш, подобный нашему, *сизиндай*—как ваш, подобный вашему; б) с пассивным аффиксом 3 л.: *уйдин тамындай* / $\geq$ *там+ы+н+дай* / —как крыша дома, в) с прилагательными на —*ки* / —*ги*: *бүгүңидай*—как сегодняшний, *кәчкидай*—как вчерашний; г) с отглагольным именем на—*қы* / —*гы* и т. п.: *турғидай*—как-будто стоит; похоже, что стоит, *билгидәй*—как будто знает; притворяет будто знает; ср. *өлгүдәй*—до смерти; д) с формой на —*ар* / —*р*: *өләрдай қыйын*—до смерти трудно. е) с формой на—*ған* / —*ған*: *қылғандай болып*—как-будто хочет сделать; ж) с формой на—*тыған*: *бәрәтығандай боб туру*—похоже на то, что хочет дать.

Аффикс—*дай* / —*дәй* встречается: а) с последующим нарощением —*ин* / —*ын*, вносящим весьма незначительный оттенок в значение: *мәндәйин*—подобно мне; б) в сочетании с—*ча* / —*ча*, —*чәни* / —*чань*, —*чаки* / —*чақы*: *шундайча болды*—получилось похоже на это, *шундайчаны*—похожий

на это // *шундайчақы*. Ср. ташк. *сўздакянгъ* // бухарск. *сўз-
дйкчянкъ* // уратюбинская *сўздейчекъ* — подобный вам //
джек. *сиздйчйаки* / *сиздейчйаки*.

10

В этой главе затронуты как чисто-глагольные формы, изменяемые по временам, лицам, числам, так и отглагольно-именные образования, характеризующиеся наличием спряжения, склонения и категории принадлежности.

Глагольное формообразование производится от основы глагола, которая по своему составу может быть различной.

Категории настоящего времени. В кураминских говорах, как в проч. тюрских языках, мы находим ряд форм настоящего времени, отличающихся друг от друга не только по способу образования, но и по значению. Их можно разбить на две группы, имея в виду конкретное смысловое значение.

1. Настояще-будущее время, указывающее на действие обычно совершаемое или действие, которое совершится в будущем: джек. *ойнайман*—я играю, я буду играть, *ишлайман*—я работаю, я буду работать.

Йек. говоры характеризуются наличием одного типа личных окончаний и чередованием —*май* / —*мэй* / —*мей* в формах Negativi: *кетмэйман* / *кетмайман*—я не уйду. В джек. и жек. говорах —*май* / —*май*. В них же наблюдается: а) усечённая форма: *болама?*—будет ли? *кийайма?*—надеет ли; б) падение соединительной гласной (—показателя деепричастия): *турман* < *тураман*—я стою; в) факультативно-спорадическое чередования *а* / *э*, вместо *а* / *а́*: *қыласыз*—вы сделаете, *кэлесиз*—вы придёте.

В йек. говорах карахтайского типа, как в ташк., находим форму: *келавуз*—мы придём, *қышлай(в)уз*—мы зимуем, *қышламайуз*—мы не зимуем.

Особенности употребления настоящего-будущего времени вскрывается на материале кураминских говоров.

2. Несколько форм собственно настоящего времени (Progressivi), ограничивающих действие или состояние рамками момента речи или подчёркивающих продолжительность совершения действия. С точки зрения генезиса и наличия ряда диалектных вариантов эти формы представляют боль-

шой интерес для узбекского языкознания, что уже подчёркивалось нами ранее¹.

В кураминских говорах мы находим и описательные конструкции, и аффиксальные формы.

В джекающих говорах статистически преобладающими оказываются формы: *баражатырман* [и т. д.] — я [в данный момент] иду и *гапириб жатырман* — я [в данный момент] разговариваю; ср. *гапириб жатынты* — он [в данный момент] говорит.

В маша-уйшунском типе отмечаются конструкции: 1) *суварыб жатырмыз* > *суварватырмыз* — мы (в данный момент) поливаем и 2) *кэляжатыр* > *кэляйатыр* > *кэляватыр* > *кэляатыр* — он (в данный момент) идёт, — где находим *жатыр* — *йатыр* — *ватыр* — *атыр*.

В йек. говорах сосуществуют форманты — *йай* и — *ват*, эволюция которых прослеживается на материале узбекских говоров Ангрена.

Категории прошедшего времени. В исследуемых говорах находим ряд форм прошедшего времени, каждая из которых имеет свои специфические особенности. Их можно разбить на две большие группы, учитывая конкретное значение форм:

1. Форма прошедшего определённого: а) *келдим* (и т. д.) — я пришёл — исторический процесс образования которой уже затрагивался в трудах чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, профессоров Н. А. Баскакова и Н. А. Кононова и др. исследователей. Необходимо отметить; а) сосуществование в йек. говорах в 3 л. мн. числа — *дэк* и — *дэмз*: *келдэк* и *келдэмз* — мы пришли. Последняя согласно исследованиям (чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова) является более древней; наличие дублетов с *й* вместо *н* во 2 л. мн. числа: *келдгыйз* ~ *келдгнз* — вы пришли. Наряду с этим в ташк. говоре еще находим: *бардгнләр* > *бардгйлә(р)* > *бардглә* — вы ходили; б) *бэргәнман* (и т. д.) — я дал; имеется три отрицательных формы: *бэрмагәнман*, *бэргәним йоқ*, *бэргән эмәсман*.

¹ Доклады АН УзССР, 1948, № 5.

Разница между формой а) и б) незначительная—часто одна форма выступает вместо другой. Однако форма б) имеет и свои специфические особенности.

2. Форма прошедшего повествовательного: а) *қараған эдим* (и т. д.)—я смотрел, б) *жэб эдим* (и т. д.)—я ел; ср. случаи универбации—*қыбыдым < қыб эдим < қылыб эдим*—я делал, *турубодо < туруб эди*—он стоял; в последнем примере отмечена лабиализация. Стяжённая фонетическая разновидность этой формы типа: *кэлүвдим < кэлиб эдим*—я приходил, — встречается в преобладающей части говоров; в) *берәр эдим* (и т. д.)—я дал, я дал бы. Стяжение: *чығарды < чығар эди*—он выходил, он вышел бы. Аффиксальный гласный *а / ä* спорадически может переходит в *ы / и*: *алырдым*—я взял бы, я брал. Ср. ещё: *кэлә эдим*—я приходил, я пришёл бы. В отдельных случаях по контексту форма типа *туру* выступает вместо *турар эди*—он стоял. Весьма близка по значению форма *тургыч эди*; г) *кэлипмән* (и т. д.)—я пришёл.

Категории будущего времени. Укажем на две формы: 1. Будущее предположительное: джек. *чығарман* [и т. д.]—я [очевидно] выйду, *чықмасман*—я [очевидно] не выйду. Спорадически: *алып кэлирман*—я [может быть] принесу. 2. Будущее пожелательное: джек. *барғайман* [и т. д.]—да буду я идущим, да пойду же я.

Желательная, повелительная и пожелательная формы глагола

1. Желательная форма—обращение к первому лицу; аффиксы 1 лица ед. числа в джек. говорах: —й, —йын/—йин или—ай/—ай [спорадически—ей], —айын/—айин: джек *қылайын*—сделаю-ка я, *кэлейин*—приду-ка я; 1 лица мн. числа —йық/—йик, —айық/—айик: *кэлайик*—придём-ка мы, *барайық*—пойдёмте-ка мы. Желательная форма имеет ряд оттенков.

2. Повелительная форма: а) грубое приказание—*қэл*—приди, *тоқта*—стой; б) с аффиксами —гын/—гин/—қын/—кин [—гын/—қын—в йек. говорах]: *көрсаткин*—покажи, да покажи же, *кэлгин*—приходи, да приходи же; ср. жек. *жүргүн*—ходи, да ходи же; в) с аффиксами —н, —ын

/ — иң, — уң/ — уң [при вежливом обращении к одному лицу]: *пителиң* — кончай, кончайте, *болуң* — будь, будьте; г) при обращении к группе лиц: *кэтиннар* — уйдите, *қыннар* < *қылыннар* — делайте. В йек. говорах: *оқыллар* > *оқылла* — учитесь; д) с аффиксами — *ңыз/* — *ңыз*, — *ыңыз* — *иңыз*: *бэриниз* — дайте, *көрүңиз* — смотрите; е) с частицей — *чи/* — *чы*: *бэрчи* — дай-ка.

3. Пожелательная форма: *жибәрсин* — пусть отправит, *эшиссиннар* — пусть слушают, *өлсун* — пусть умрёт.

В зависимости от контекста пожелательная форма имеет различные оттенки.

Условная форма. Разобрано три формы:

1) Условная форма настоящего-будущего времени: *ойнасам* (и т. д.) — если я играю, если я буду играть. Выступает в образовании придаточного условного предложения. Имеет много оттенков. 2) Условная форма прошедшего времени: *чагырған бо* [л] *сам* [и т. д.] — если я звал. 3) Условно-слагательная форма: *апкесәм эди* — если бы я принёс.

Причастие прошедшего времени — в джек. говорах оформляется аффиксами: — *ған/* — *гән*, — *қан/* — *қан* [в йек. говорах отсутствует — *ған*]: *кэлгән киши* — пришедший человек, *қайнап питкән чай* — выкипевший чай.

В зависимости от позиции в предложении форма с аффиксом — *ған/* — *гән* может выступать то в роли главных, то в качестве второстепенных членов.

Причастие настоящего времени в джек. говорах оформляется аффиксами — *тыған/* — *тыгән*, несколько реже — *таған/* — *тагән*: *сөйәтыгән* — режущий, *бэрәтыгән* — дающий, *тәшләйтагән* — бросающий, *қылатагән* — делающий; звуковой состав этих аффиксов значительно приближается к каракалпакским.

В йек. говорах находим — *дъған/* — *дъгән*, — *дъгән/* — *дъган*. В жек. говорах, как и в казахском языке, процесс фонетической эволюции в аффиксе причастия пошёл значительно дальше: *бара турған* > *бара туун* > *баратун* > *баратын* — идущий.

Причастие будущего времени — аффиксы: — *р*, — *ар/* — *әр* [в отрицательной форме — *мас/* — *мас*]: *чығар* — тот, который выйдет, *сөйлар* — тот, который будет говорить, *кэләр* —

тот, который придёт; ср. *қәләси жылыға* — на будущий год.

Деепричастие настоящего времени имеет аффиксы — *а*—/—*ә*, — *й* : *қыла* — делая, *ғәпирә* — говоря, *санай* — считая, *тыммай* < *тынмай* — не отдыхая, без отдыха.

Данное деепричастие в качестве самостоятельной глагольной формы почти не употребляется. Выступает оно в образовании ряда сложных глагольных форм и в составе сложных глаголов.

Деепричастие прошедшего времени. Образуется прибавлением аффиксов: а) — *б* > — *п* : *излап* — поискав, *чай дамнап* — заварив чай; б) — *ыб*/—*иб* > — *ып*/—*ип* : *жыйдырып* — заставив собрать, *ғаблашып* — поговорив, *тәрләтип* — заставив вспотеть; в) — *уп*/ — *уп* : *болуп* — будучи, *отуруп* — сев.

Аффиксальный гласный не всегда подвергается лабиализации. Согласный *в* может вызывать огубление. ср. sporadически *тавуп* наряду с *тавып* — найдя.

Основы с исходным *л* часто утрачивают последний при образовании деепричастия прошедшего времени: *кәп* < *кәлип* — придя, *қып* < *қылып* — сделав.

Отрицательная форма типа *қәлмай* самостоятельно не употребляется. В значении её выступают: а) *кәлмәстән* или б) *кәлмай* — не придя.

Употребляется со вспомогательными глаголами.

Отглагольное имя действия образуется: 1) путём прибавления аффиксов — *ш*, — *ыш*/ — *иш*, — *уш*/ — *уш* : *сораш* — спрашивание, *қуруш* — строение; 2) — *в*, — *ув*/ — *ув* : *айдав* — вспахивание, *түз ув* — составление; ср. *жазу* : < *жазув* — писание или *сорай* < *сорав* — спрашивание; 3) — *мақ*/ — *мақ* : *қычамақ* — настаивание, *арттырмақ* — увеличение.

Данное отглагольное имя часто употребляется в дательном-направит. и в местном падежах. Оно служит и для образования форм намерения, которые в своём исходе имеют аффиксы — *чы*/—*чи*, — *чын*/—*чин* : *уйланмакчи* — собирается жениться. В джек. говорах чаще выступает форма с аффиксом — *чын*/ — *чин* : *кәтмакчин* — намеревается уйти, *қылтақчын* — намеревается сделать.

В сочетаниях: а) с глаголом *бол* : *бәрмакчин болып* — решив дать, *апкәмакчин боб* — решив принести, б) с глаголом *ә* : *уйланмакчи боб эдим* — я хотел жениться.

1. Из всего, чрезвычайно богатого, диалектного комплекса узбекского языка рассматриваемая нами группа говоров в историко-лингвистическом отношении является наиболее интересной. Это обстоятельство побудило нас в течение ряда лет вести систематические наблюдения над кураминскими говорами с целью выявления их особенностей и установления их происхождения по данным языка.

2. Анализ фактического материала позволил взять под сомнение точку зрения Н. А. Аристова, относившего формирование курамы к первой четверти XVIII в.: окончательное сложение курамы должно быть приурочено к более раннему периоду.

3. В языковом отношении кураминские говоры делятся на три подгруппы: джекающие, жекающие и йекающие. Первые две относятся к кыпчакской языковой группе, что показано на примерах в фонетической и морфологической части, а третья—значительно приближается к йекающим говорам Ташкентской области.
